

Андрей Швецов

**ЗАМЕТКИ ПАНАЦЕИ.
РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ПОБЕДЫ
НАД БОЛЕЗНЬЮ**

Рязань
2023

Швецов А.С.

Заметки Панацеи. Реальные истории победы над болезнью. — Рязань: АО «Елатомский приборный завод», 2023.

Здоровье — это не только лекарства и ЗОЖ, это прежде всего — мотивация!

А вот как мотивировать себя и близких стать здоровее, энергичнее, активнее? Ответы вы найдете в историях героев книги «Заметки Панацеи» — они расскажут вам о том, как благодаря позитивному настрою, упорству и правильному подходу к своему организму обрести то, что, как известно, не купишь, а потому надо беречь смолоду.

Реальные случаи исцеления реальных людей, написанные в увлекательной художественной форме, могут стать точкой опоры, чтобы перевернуть мир даже обессиленными руками и начать счастливую и активную жизнь заново.

Впереди вас ждет целая серия книг с невыдуманными и, на первый взгляд, чудесными историями выздоровления. Но весь секрет — в целенаправленном лечении и кропотливом труде. Самое главное, что у всех рассказов — счастливый финал.

СОДЕРЖАНИЕ

Все сокровища в одной коробке.....	4
Первое письмо. На даче	14
Второе письмо. Лето на балконе.....	23
Третье письмо. Плюшкин-Коклюшкин.....	34
Четвертое письмо. Жить потихоньку.....	43
Пятое письмо. «Москвич-412»	52
Шестое письмо. Фея для балерины.....	61
Седьмое письмо. Шумомер.....	71
Восьмое письмо. Ножны для лучшего друга	82
Девятое письмо. Бабка-Таганайка	91
Десятое письмо. Я сама.....	105

ВСЕ СОКРОВИЩА В ОДНОЙ КОРОБКЕ

Московский журналист Андрей Швецов сидел на голубой пенке в окружении зарослей иванчая и с явным неудовольствием рассматривал снимки в фотоаппарате.

«Свет плохой, — бормотал про себя Андрей, — пасмурно».

Внезапно откуда-то сбоку раздался хриплый старческий голос.

— А вы, товарищ, получается, шпиён?

В заросли протиснулась фигура коренастого старичка в типичном сельско-огородном костюме. На ногах — камуфляжные штаны, в них заправлена белая майка, поверх нее — пиджак от костюма, на голове — кепка ЛДПР с полуманым козырьком.

— Почему, сразу «шпиён»? — удивился Андрей.

— А вы зачем тогда оборонный завод снимаете? Я за вами уже полчаса наблюдаю. Вы в этих зарослях прятались и завод снимали, — с нарочитой суровостью сказал незнакомец, пряча улыбку в щетке седых усов.

— Так я это. Здание снимал, а не завод. Старинное, XVIII века, — начал оправдываться Андрей, не замечая лукавой улыбки собеседника.

— Знаю я вас, — пробурчал мужичок и хитро сверкнул глазами.

— Я журналист из Москвы, фотографию архитектуры позднего барокко. Это здание — яркий пример стиля, его оружейник Батышев построил, — выпалил молодой человек.

Звучная респектабельная фамилия тульских оружейников произвела на дедушку бодрящий эффект, он еще больше просветлел лицом и признался:

— Да ладно. Шучу я. Какие у нас шпиёны. Кому мы нужны? Я к вам из любопытства обратился. У меня дом за этим кустами, — дедушка махнул рукой за спину. — Скучно, поговорить не с кем, а тут вы с фотоаппаратом. Завод-то у нас давно уже не оборонный.

Андрей встал и начал разглядывать величественный двухэтажный особняк с мезонином. С холма он казался особенно ладным и словно игрушечным.

— Я тут проездом. Свернул с трассы в поселок купить воды и увидел ваше поместье. Вспомнил, что мне о нем уже рассказывали, дескать, оружейники — братья Батышевы — построили. Решил сфотографировать для коллекции. А про завод не слышал.

— Это Елатомский приборостроительный завод. Я на нем 20 лет работал. Выпускали изделия для армии: сердечники трансформаторов, уплотнители, герметичные прокладки, а заодно всякую мелочь, бигуди, например. Сейчас-то, конечно, уже другая номенклатура товаров.

— А какая? — уточнил Андрей, профессиональное любопытство включалось в нем автоматически. — Видно же,

что завод процветает. Ремонт свежий, машины хорошие стоят, вон даже велопарковка имеется.

— Медицинское оборудование. Всякое. Но в основном, приборы такие специальные, магнитотерапия. Слыхали о ней?

— Небось лженаука какая-то? — усмехнулся Андрей.

— Нет, кстати. Работает! У меня есть такой аппарат «Алмаг +». Я им лечу спину. 20 лет на этом заводе сидел, склонившись над столом буквой «зю», паял платы, вот она и болит. А сейчас лечусь. Да вы сами сходите, посмотрите. Там музей есть, вход свободный. Заодно изнутри сфотографируете.

Андрей согласился, хоть и спешил. Он питал особую страсть к ведомственным музеям. В первую очередь, потому что они находятся как бы вне капиталистической системы, поскольку туда не надо продавать билеты. Такие музеи не будут тебе агрессивно навязывать сувенирные подстаканники, возможность сфотографироваться с ученым хором или в костюме обходчика путей. Пускай прибыль извлекает предприятие, а музей будет ни при чем, он может жить вообще без посетителей — никто не ходит, и не надо.

Журналист собрал пенку, повесил на шею фотоаппарат и вместе с мужичком — тот представился дядей Петей — стал спускаться с холма.

Вблизи здание выглядело еще более нарядным и праздничным.

— Вы проходите, не стесняйтесь. Там указатель есть, — сказал дядя Петя, заметив, что Андрей в нерешительности застыл у двери.

— А вы?

— Вы меня видели? Я ж с огорода. Куда мне в таком рубище? — старичок оттянул полу своего клубного пиджака с широкими лацканами. — Извините, я человек интеллигентный, техникум оканчивал. Видите вот, значок, — дядя Петя двумя пальцами ухватился за круглый бело-голубой значок на лацкане. — Общество трезвости!

Последние слова мужчина произнес с той особенной важностью, с которой показывают «удостоверения» силовики, если их, одетых по-гражданке, остановили на улице коллеги.

Дядя Петя раскланялся и весело добавил.

— Если охранники заподозрят, будто вы шпиён, скажите, что дядя Петя вас уже допросил, меня все знают.

Попрощались.

Огородник ушел обратно в сторону холма, а Андрей переступил порог в особняк с мезонином. Внутри пахло свежестью и мокрым бетоном.

Охрана пропустила гостя без особых церемоний, сказали подниматься на второй этаж в музей и добавили, взглянув на «Кэнон» в руках у Андрея, что фотографировать у них можно.

Журналист шел бесконечными коридорами, рассматривал лозунги на стенах вроде «Жизнь, работа, продукция высшего качества» и подумал, что внутри здание было больше, чем казалось снаружи.

Наконец Андрей пришел в музей — это было небольшое помещение, заставленное стройными рядами стеллажей, на стенах пестрели многочисленные грамоты и стенды.

«В 1985 году на заводе налажен выпуск игрушек «Хозяюшка» и «Светофор-конструктор». Кроме того, начато производство фена «Русь», — гласила вывеска, под которой лежала гордость Елатомского приборостроительного завода образца 1985-го года — фен, похожий на артиллерийский снаряд. Рядом с ним соседствовал прибор, напоминающий плойку для волос. Андрей сперва подумал, что это и есть плойка, но изделие оказалось зажигалкой для газовых плит.

Особое место в музее занимали всевозможные медицинские аппараты — пластиковые коробочки со сложной электрической начинкой внутри. В том числе аппараты для низкочастотной магнитотерапии с загадочными, по-военному строгими названиями-аббревиатурами вроде «Маг-30».

На столе у окна стояла одинокая коробочка. Она была бережно обтянута тканью и доверху забита письмами. Андрей вспомнил, что, когда много лет назад начинал работать в газете «Вечерний дилижанс», у них в редакции стояла такая же коробочка с письмами читателей. Они делились смешными случаями, байками и даже зачем-то переписывали и отправляли по почте анекдоты.

— А это, между прочим, самый главный экспонат, — улыбаясь, сказал Андрею пожилой мужчина. За минуту до этого Швецов боковым зрением заметил, как тот вешал в Уголок почета какой-то диплом. Журналист принял незнакомца за хранителя музея.

— Письма какие-то, — сказал Андрей и, усмехнувшись, добавил. — От благодарных пользователей фена «Русь»?

— Кстати, надо покопаться, может, и такие есть, — задумчиво ответил мужчина. — Но вообще эта коробка — доказательство того, что завод выпускает приборы, которые меняют жизнь. Магнитотерапия, слышали? Даже у царской семьи был аппарат магнитотерапии.

— Ну, про царскую семью не слышал, а про магнитотерапию мне уже рассказали, — Андрей припомнил слова дяди Пети. — Это, получается, военная разработка?

Швецов сам не заметил, как начал брать интервью.

— Не совсем так. В 1988 году институт радиостроения, головное предприятие оборонного концерна «Фазотрон», передал нам портативный магнитотерапевтический аппарат МАГ-30. Предложили попробовать производить. Говорят — это революция! Магнитотерапия, дескать, многие болезни может лечить, особенно больные суставы. Рискнули. Начали выпускать приборы. А куда их девать? Рекламы же нет. Пришли к редактору журнала «Здоровье», попросили написать заметку, хоть на последней странице. Раньше печатному слову верили.

— Это точно, — подтвердил Андрей, который помнил, что даже 20 лет назад к журналистике было совсем другое отношение, не то что сейчас.

— Заметку напечатали, и это произвело настоящий фурор. Всё разобрали! Подчистую. Тогда же начали приходиться и первые письма, которые лежат в этой коробке. Люди чувствовали эффект на себе, а потом передавали аппарат соседям, знакомым, родственникам. Некоторые буквально на ноги вставали.

— Даже так? — Андрей с недоверием покосился на стенд с «Магом-30».

— Еще бы! Первое же письмо написал мужчина по фамилии Гараж. Он был лежачий — вообще не ходил после аварии. Начал использовать аппарат и потихоньку полностью восстановился. Сначала стал передвигаться по квартире, затем впервые за годы вышел во двор, а потом поехал на велосипеде! Интересно, что, вылечившись окончательно, Гараж стал рассказывать про соседа — тот, дескать, тоже купил аппарат, но ему почему-то не помогает. Здесь на заводе начали разбираться, связываться с Гаражом, с его соседом, и выяснилось, что мужик другой стороной прикладывал прибор к больному месту. Научили, как использовать, добавили разъяснение в инструкцию, а на аппарат нанесли маркировку.

— А вы сами-то пробовали? — спросил Андрей. — Я не противник физиолечения, но, честно говоря, не могу понять как это штука работает.

— Очень просто. Магнитные импульсы запускают процессы восстановления в организме. То есть, организм сам себя лечит, а излучение ему в этом помогает. Вот взять меня. Чуть за 30 мне было. Получил серьезный ожог. Врачи говорят, будешь три месяца минимум восстанавливаться. Ну я стал водить над поврежденными тканями нашим аппаратом. Через недели три после ожога дай думаю в лес схожу за грибами — сезон! А я страстный любитель тихой охоты. Перевязала меня жена, ну я и пошел. Грибы собираю, а у самого всё зудит под бинтами. Домой вернулся с лукошком добра, и тут же бинты снимать. Чешется. И что вы думаете?

Корочка сошла с бинтом, а под ней кожа молодая. Вместо трех месяцев за три недели восстановился.

— И что, здесь письма все в таком духе? — спросил Андрей.

Больше всего на свете Андрей любил невыдуманные человеческие истории, особенно с хорошим концом. Он собирал их, как коллекционер редкие марки или бабочек.

— Ну да. Раньше писали. Сейчас-то не пишут, отзывы разве что в интернете. А здесь с душой, каждое письмо — это чья-то история, надежда и, наконец, чудо!

— Ох, люблю я такие истории, они меня вдохновляют. Я ведь по профессии журналист, а для души пишу. Мне часто не хватает сюжетов.

— Так вы возьмите эту коробку! — внезапно сказал мужчина, — Там таких сюжетов целая куча. Только, чур, с возвратом.

— Ого, а разве можно? Надо, наверное, спросить у начальства. Это же память.

— Такя и есть начальство. Николай Иванович Панин, — пенсионер протянул руку Швецову. — Простите, что сразу не представился. Сейчас уже на пенсии, конечно, дети занимаются всеми делами предприятия. Но именно я начинал делать эти чудо-аппараты.

— Мы едва знакомы, а вы мне, получается, всю историю, всё богатство даете? — Андрей упирался, хоть действительно хотел познакомиться с письмами и набрать сюжетов для своих рассказов.

— А я по глазам вижу, что вы человек не ветренный, а рассказы нам нужны. Я ж не писатель, сам не напишу. Пусть будут для потомков.

Николай Иванович с неожиданной ловкостью подхватил тяжелую коробку и передал ее Андрею. Тот, охая и кряхтя, принял и уже через 20 минут возвращался в Москву с твердым намерением написать не менее 10 рассказов о людях относительно недавнего прошлого, об их надежде и вере в чудо.

Андрей Швецов несколько недель разбирал эпистолярное наследие Елатомского завода. Перед ним стояла коробка бытописательских свидетельств 90-х и начала нулевых. Репрезентативная выборка жизни.

Это было время, когда, чтобы поговорить с близкими из Челябинска, Омска или Иркутска, люди заказывали переговоры, когда брали друг у друга видеокассеты и книги, когда соседи делились аппаратом «Алмаг» с такой же легкостью, как если бы заимствовали табуретку или спичечный коробок соли. Непростое, но душевное время.

Андрей особо выделил 10 писем. Каждое — целая история. Причем не столько про чудо-аппарат, сколько про надежду, отношения друг с другом, радости и печали.

Опытный журналист художественно обработал эти истории и превратил их в короткие рассказы, которые мы с большим удовольствием публикуем. Пусть они будут глашатаями эпохи.

Первое письмо

НА ДАЧЕ

Каждую весну врач-терапевт на пенсии Петр Бабушкин вместе со своей супругой Людмилой Борисовной и подслеповатым кобелем-боксером по кличке Тайсон, садились в «Ниву» и ехали в сад «Электрометаллург». Жить до осени. С возрастом Петр Петрович все больше тяготел к земле.

Не сказать, чтобы ему очень нравилось возиться на грядках. Скорее, привлекала сама эстетика садов, даже их философия. Пусть садовые домики часто монструозны, нелепы, а возня вокруг них в большинстве своем является какой-то карикатурой на крестьянский быт, но даже это греет сердце и радует.

Уже в марте, за несколько недель до начала сезона, пожилой врач парковал у подъезда свою «Ниву» и медленно, со вкусом обдумывал садово-огородные планы. «Надо бы где-нибудь навоза раздобыть, на огурцы» или «Сват капот от ЗИЛа обещал отдать, приделаю вместо двери в сарае».

Сад для Петра Бабушкина был пространством теплого, спокойного сна, местом, где он дремал с открытыми глазами. В компании с женой — бывшим провизором, прорабо-

тавшей в аптеке 44 года, он прятался в саду от бесплодной изматывающей суеты.

Впрочем, иногда тихий дачный быт Бабушкиных сотрясала канонада пронзительных звуков. Приезжали внуки: Аня и Ваня. Если для Петра Петровича и Людмилы Борисовны сад был колыбелью, то для восьмилетнего Вани и пятилетней Аннушки — пространством приключений и тайн.

Их манили темные позабытые домики, наполовину вросшие в землю, раскрытые пасти заброшенных чердаков, какие-то огромные силосные бочки и непролазные заросли яблони китайки.

Дети с утра до вечера носились по СНТ и придумывали тысячи игр. Рисовали карты, прятались, громко смеялись и активно осваивали дачную «целину». Аня любила собирать кузнечиков и жуков, а ее старший брат вместе с соседским парнишкой Гришей бродили по бесхозным садам и собирали металлолом.

Папа Гриши — предприимчивый хозяйственный мужичок Антон Палыч нагружал добычей прицеп «жигулей» и раз в неделю отвозил металл в приемку. На вырученные деньги покупал окрестной ребятне мороженое, торты, пирожные, ну и себя не забывал, естественно — брал трехлитровую банку «Жигулевского», которую они с соседом Петром Петровичем распивали под сиреневым кустом.

Как-то раз доктор ухаживал за грядками помидоров. Он часто любил повторять, что в такое непростое для страны время сбережения нужно обязательно хранить в банках.

Имел в виду — стеклянные банки, конечно же, в которые каждую осень его жена закатывала огурцы, помидоры, болгарские перцы и странные, похожие на обитателей морских глубин, кабачки-корнишоны.

Из сосредоточенной работы врача вывел грохот. Ребята с трудом толкали по дороге самодельную тележку из детской коляски. Она скрипела, трещала и, казалось, вот-вот развалится.

— Что вы там такое тащите? — спросил Петр Петрович.

Он оперся на тяпку и пытался разглядеть, что за «малыша» катал внук Ваня в этой арбе.

— Аккумулятор нашли! — весело сказал Ваня.

— От КАМАЗа, тяжеленный! — добавил Гриша.

— А как вы его подняли, он же килограммов 30 весит? — Петр Петрович подошел к мальчикам и взглянул в их люльку.

Там в самом деле лежал покрытый землей и паутиной аккумулятор с ржавыми контактами.

— Он во-о-он на той заброшенной даче стоял, в домике на подоконнике, — сказал Ваня и поправил кепку. — Я коляску подкатил под окно, а Гришка его спихнул прямо внутрь.

— Там свинца целая куча! — с воодушевлением добавил Гришка и сверкнул глазами.

— Ну давайте, папка вам поможет его снять, — Петр Петрович развернулся и пошел к своим помидорам.

Дети отправились вдоль по улице. Через пять минут они вновь стояли у забора и с мольбой смотрели на деда.

— Дедушка Петя, не дотащили! — печально сказал Иван.

— Сломалась коляска, не выдержала. Она ж не рассчитана на таких огромных тяжелых детей, — добавил Гриша.

— Груднички! — произнес Ваня и поднял руки, словно рисуя гигантского младенца.

— Помогите нам, пожалуйста, дотащить аккумулятор, папки дома нет.

— Эх, — махнул рукой Петр Петрович и отложил тятку, — пойдете.

На обочине безвольно валялся скелет коляски с тонкими, как у цапли, надломленными «ногами», рядом чернел могучий прямоугольный аккумулятор. Пенсионер закатал рукава и, смутно припоминая, как в армии делал станковую тягу со штангой, поднял тяжелый набитый свинцом «сундук».

Вес оказался серьезнее, чем рассчитывал доктор, но как его бросишь? Стыдно перед внуком.

Петр Петрович раскраснелся, будто те помидоры, вены на его шее и висках набухли, стали напоминать маленьких юрких змеек, вшитых под кожу.

— Только бабушке не рассказывай, — процедил сквозь зубы доктор, волоча в руках двухпудовый неудобный груз.

Дети бежали впереди вприпрыжку и подбадривали силача.

— Давай, дедушка, еще сто метров осталось! — кричал Ваня. — Какой ты сильный!

Петр Петрович насилу дотащил аккумулятор до участка соседа и бросил его у прицепа. Сказал Грише, чтобы папа — чай, помоложе будет — поставил его в прицеп или расковырял прямо на земле и вытащил ценный металл.

— Только сами чтоб не лезли! — предупредил дедушка. — Там кислота!

Уже к вечеру Петр Палыч не смог разогнуться. Боль в спине была то острой, то ноющей, то снова острой. Она на мгновение затихала, но лишь для того, чтобы набраться силы и вновь прошить спину доктора резкой болью.

— Это я из-за помидоров. Стоял, понимаешь, склонившись, видимо, потянул, — оправдывался Петр Петрович.

— Ага, из-за помидоров, думаешь, я слепая? Я видела, как ты эту штуковину тащил. Еще хотела крикнуть тебе из окна, чтоб поберег спину, да решила, пусть, мол, тащит, поделом, — ехидно сказала Людмила Борисовна, а потом уже с заботой спросила, — Дать тебе таблетку?

— На обезболивающих далеко не уедешь, только печень сажать, — пробормотал доктор.

— Сказала бы я, как ты печень сажаешь, с соседом, под вон тем кустиком, — усмехнулась Людмила.

Вечером пришлось идти в правление СНТ, звонить оттуда сыну, чтоб забирал и внуков, и пожилого «тяжелоатлета», который со своей «становой тягой» угробил спину. Самостоятельно сесть за руль Петр Петрович уже не сумел.

Дачный сезон шел своим чередом, Людмила Борисовна, ворча, ухаживала за мужем, помидоры некому было полить — дети с утра до вечера работали. Прописанные врачом притирки, компрессы и даже уколы ненадолго облегчали боль, но проблему не решали.

— Да заживет. Растяжения всегда долго болят, — сказал хирург, приходивший посмотреть своего коллегу.

— А когда пройдет? — уточнял терапевт. — Сам же знаю, что долго.

— Ну, к сентябрю-то точно пройдет, — «обнадежил» хирург.

— К сентябрю, — грустно проговорил Петр Петрович. Перед его глазами проносились малоприятные картинки садово-огородных катастроф. Помидоры, кабачки, огурцы. Все медленно чахло, скукоживалось, усыхало.

— Слушай, помнишь, в прошлом году нам Люба подарила аппарат? — как-то вечером сказала Людмила, растирая спину мужа муравьиным спиртом.

— Какой?

— Ну этот, для суставов!

Люба — сестра Людмилы. Физик-доцент из новосибирского Академгородка. Петр Петрович холодно относился к ней. Сам себе объяснить не мог — бубнил что-то, но в глубине души понимал — от зависти. Он ведь не всегда планировал работать терапевтом в простой районной больнице. В молодости горел надеждами, хотел горы свернуть, мечтал писать кандидатскую, но — увы — больничная суета закрутила, закружила врача. Диссертация откладывалась, откладывалась, а потом перестала и откладываться — осталась миражом, который часто снился. Не получилось у Петра Петровича, а вот у Любы из Новосибирска получилось, и еще как.

— Штуковину-то? Магнит?

— Ну да, вон он лежит, — Людмила показала бутылком с муравьиным спиртом на шифоньер.

Там, наверху, между плюшевым слоном непонятной расцветки и ящиком из-под посылки была втиснута коробка с аппаратом «Алмаг» Елатомского приборного завода.

Людмила и Петр скептически отнеслись к подарку родственницы. Всю свою жизнь они предпочитали лечиться таблетками, уколами, порошками, микстурами, но в случае пожилого «пауэрлифтера» это не помогало. А дачный сезон, между тем, подходил к своему зениту.

— Хуже не будет? — уточнил Петр Петрович. — Я понятия не имею, как этот прибор фурычит.

— Думаю, одно из двух: либо поможет, либо нет, — предположила Людмила Борисовна и полезла на табуретку доставать аппарат.

Следующие несколько дней она обрабатывала спину мужа по всем правилам, которые скрупулезно изучила по инструкции.

Через неделю Петр Петрович уже мог худо-бедно, как бледная тень передвигаться по квартире. Помидоры, трогательные дачные хлопоты словно говорили ему: «Встань, старый пень, разогнись и иди на грядки!» А он не мог, однако чувствовал, что постепенно приходит в себя.

— А ведь помогает, зараза! — весело сказал пожилой доктор, когда смог впервые после травмы самостоятельно завязать шнурки и прогуляться вокруг дома.

— Помогает. Сестра-то у меня ученая. Доцент. Знает, что дарить, — с важностью сказала Людмила, которая очень гордилась успехами сестры и при каждом удобном

случае напоминала, что Люба — доцент из новосибирского Академгородка.

— Дай Бог здоровья, — уже без былой прохлады ответил Петр Петрович.

Еще через неделю он снова погрузил Тайсона и Людмилу Борисовну в машину и отправился в сад. Спина больше не болела.

— Как здоровье, сосед? — уточнил Антон Палыч. Он увидел, что врач загоняет свою «Ниву» во двор.

— Как у огурца! — бодро ответил дедушка.

— Гришка говорил, что вы аккумулятор тащили. Я всю жизнь гиревым спортом занимаюсь — и сам еле-еле его поднял. А я ведь моложе на 25 лет. Не щадите вы себя, Петр Петрович.

— Чуть сезон не прошляпил, — кивнул пенсионер.

Он в самом деле боялся, что этот дачный сезон пройдет мимо него, как проходит последний трамвай или любимая передача по телевизору, которую больше не покажут. С каждым годом Бабушкин все больше и больше ценил эти простые жизненные радости и опасался потерять хотя бы кусочек из них.

Вечером того дня супруги сидели на веранде и пили чай с чабрецом. Аня и Ваня собрали его неподалеку от СНТ, на небольшой сопке, напоминающей профиль Пушкина.

— Завтра надо на почту сходить, письма отправить, — задумчиво сказал Петр Петрович.

— А кому написать хочешь? — уточнила жена.

— Любке в Новосибирск. Если бы не она, упустили бы дачный сезон. Год бы пришлось еще ждать. А вдруг бы

не дожил. Мало ли. Спасибо сказать ну и пригласить к нам, в сад. Не была же ни разу, — рассуждал восставший из пепла Феникс.

— Скажешь тоже, не дожил. Ты вон какой крепкий. Становую тягу делаешь, — рассмеялась Людмила.

— Ох, делаю, — Петр вспомнил про аккумулятор и закрихтел. — В общем, напишу. И на завод еще напишу, тоже скажу спасибо. Сделали же аппарат. Аппаратище! Молодцы!

Над супругами горела лампа с зеленым абажуром, темная густая ночь за окном пахла чабрецом, скошенной травой и клубникой.

Людмила и Петр Петрович еще долго сидели на веранде, пили чай и разговаривали обо всем подряд. Такого простого и душевного чаепития у них не было уже много лет.

Второе письмо

ЛЕТО НА БАЛКОНЕ

Борис Михайлович Покрышкин — коренастый, подтянутый 70-летний мужичок с орлиным веснушчатым носом и щегольскими седыми бакенбардами — был из тех живчиков-пенсионеров, которых можно встретить в любом большом городе с наступлением по-настоящему теплой погоды.

Они часто передвигаются на своих тяжёлых, скрипучих советских велосипедах вроде «Урала» или «Харькова», в редких случаях на «Туристе». Багажники обтянуты веревками или резинками, под ними — пакеты с покрывалами. Велосипедисты стелют покрывала в самых неожиданных местах и, как армия партизан — солнечных зайцев, светят своими бронзовыми животами на пляжах, лесных тропинках и где угодно. Говорили, что их можно встретить даже на козырьках брежневов и хрущевов — там, дескать, нет тени и никто не мешает.

Старички, конечно же, ничего не стесняются, принимают солнечные ванны и чувствуют себя, кажется, даже лучше и вольготнее чем в молодости.

В то лето Борис Михайлович предпочитал целыми днями быть на воздухе. Своего сада у него не было, поэ-

тому он часто уезжал в городской бор — практически полноценный реликтовый лес — и подолгу загорал на одном из заброшенных гранитных карьеров, заполненных водой.

Вечером он возвращался домой — в одинокую холостяцкую берлогу, обставленную по последнему писку времен позднего Брежнева. Его жена скончалась 11 лет назад, дети разлетелись, как мотыльки, не приезжали, но часто звонили ему на городской телефон.

Жаркий июль нагревал бетонные стены старой панельки Покрышкина с таким усердием, что к вечеру в квартире было, как в бане, еще и окна выходили на южную сторону.

Из-за этого неунывающий Борис Михайлович пристрастился спать на незастекленном балконе на втором этаже: стелил своё походное синее покрывало с какими-то инопланетными грибами, вышитыми белыми нитками, клал под голову подушку и лежал на полу, сквозь прутья поглядывая на улицу. Он прислушивался к ее клокочущей, хаотической жизни и находил в этом особый, ни с чем не сравнимый шик.

Кипучее бытие двора с высоты семи метров представляло перед ним, как тщательно отрепетированное представление, где один зритель, а актеры не в курсе, что они играют. Всё было таинственным, волшебным и интересным: обрывки полночных фраз, ссоры, сальные шутки подгулявших жильцов, пьяные походки и томные взгляды. Любопытным было даже появление во дворе в одно и то же время одних и тех же людей — они шли с работы, как механические игрушки. Это почему-то забавляло Бориса

Михайловича. Он никогда не думал, что люди могут быть настолько пунктуальными.

В тот душный вечер он по своему обыкновению улегся на балконе в коротких беговых шортах, с наслаждением вытянул ноги, закинул руку под голову и с удовольствием сказал про себя:

«Всяко лучше, чем телевизор смотреть». Борис Михайлович сторонился и даже слегка боялся всего нового. Телевизор в его системе жизненных координат был олицетворением прогресса — зубастого и непонятого. В советское время, с травоядной, тщательно цензурированной программой — еще куда ни шло, Борис Михайлович много смотрел его с женой. Но после перестройки, когда в страну хлынул селевой поток аляповатых шоу, сериалов, информации, криков, стонов и «боевиков-карате», Покрышкин предпочел выключить его вовсе. Боялся, что не получится приручить зверя.

— Что, говоришь, лучше? — переспросила старушка Кузьминична.

Она сидела на лавке у подъезда, Борис Михайлович ее не заметил, а сказал, похоже, слишком громко.

— Да на тебя смотреть, Кузьминична. Всяко лучше, чем в этот проклятый телевизор пялиться, — засмеялся Покрышкин.

— Это ты зря, через 20 минут, — бабулька посмотрела на крошечные, будто детские наручные часы, — «Богатые тоже плачут» начнутся, сериал.

— Что я там не видел? «Богатые тоже плачут?» Известное дело, плачут. Вон из соседнего, 36-го дома, дядьку вот

как раз такого — богатого, в малиновом пиджаке, с «ро-лексами» на руке — пристрелили. А еще соседка — бабка Глаша — говорит, мол, потом тех, кто пристрелил — тоже пристрелили. Так что, плачут. И еще как! Я это и без ваших «сериялов» знаю, — с вызовом сказал Покрышкин и подбил подушку, собираясь перед сном еще часок поглядеть на жизнь двора.

— Понятно, что плачут, но у них там всё так красиво, чинно! — Кузьминична аж потеряла ладони от удовольствия, предвкушая 23-минутный сеанс плавания в мексиканском заливе латиноамериканских страстей.

— А у нас во дворе разве не кипят страсти? — удивился Борис Михайлович, приподнявшись на локте и глядя на соседку сквозь прутья балконной перегородки, словно из клетки. — Я тут, знаешь, уже целый месяц живу, на этом балконе, и гляжу с него, как с театральной ложи на сцену. Учительница из второго подъезда, знаешь такую?

— А как же, знаю.

— Как-то вышла в три часа ночи и под этим грибком села, сидит, значит. А мне не спалось от жары. Спрашиваю у ней, что случилось, мол? Помощь, может, нужна? А та плачет, говорит, муж буянит пьяный и она ждет, дескать, когда тот заснет, чтоб не прибил. Чем не страсти-мордасти?

— А я мужа знаю, — задумчиво сказала Кузьминична. — Николай Саныч, тоже учитель.

— Вот, в том то и дело, что учитель, физик. Никогда бы не подумал, что он пьет, зараза, а оно вон как. А ты говоришь — страсти! — сказал Борис Михайлович, потом повернулся на бок и будто спохватился. — Хотя, что я это,

пряма как ваша сестра со скамейки, сплетни разношу. Я, это самое, что сказать-то хотел: в реальной жизни намного интереснее, чем в твоём, Кузьминична, телевизоре. Так что лучше не в ящик смотреть, а вон, в окно.

— Да ну тебя, — махнула рукой Кузьминична, — сиди на своём балконе, кисни в этих помоях, а я пойду смотреть, как люди живут.

Бабушка ушла, а у Бориса Михайловича осталось на душе неприятное чувство. Во-первых, он корил себя за то, что начал как та классическая «приподъездная бабка» распространять сплетни про хорошего человека — учительницу, а во-вторых, пугало предчувствие какой-то надвигающейся подмены реальности.

Будто подлинную жизнь с её запахами, криками, всполохами, печалью и радостями хотят заменить декорациями из папье-маше, вымыслом — всеми этими мыльными операми на ТВ. А главное, что в такой капкан попадутся первым делом пенсионеры. Потому что они наивны.

В ту ночь он снова плохо спал и беспрерывно ворочался. Внезапно атмосферное давление упало, подул холодный ветер — прообраз будущих вьюг — и намял Борис Михалычу бока. «За сплетни», — как решил он с утра. Продуло. Причем так основательно, что крепкий, никогда особо не болевший мужичок — бывший ударник завода «Теплоприбор», неизменный участник заводских спортивных мероприятий, непьющий и некурящий кремень — сделался вдруг несчастным и пожелтевшим. Никогда с ним ничего подобного не случалось, а лечиться он не привык.

С балкона пришлось перебраться на румынскую тахту. Детям пояснил, что приболел, подробности не рассказывал. Холодный ветер, как лазутчик, сделал свое дело и был таков: на улице всё так же пекло, дом к вечеру раскалялся, а несчастный Покрышкин потел на тахте и не мог встать. Он еле-еле ходил, мучаясь болью в спине, подьедал остатки еды из холодильника и решил, что, если через неделю не полегчает, придется вызывать врача.

А этого он очень не хотел: Борис Михайлович сторонился людей в белых халатах, а после смерти супруги, которой не смогли вовремя диагностировать рак и поставили диагноз на уже неоперабельной, терминальной стадии, мужчина вообще зарекся иметь хоть какие-то дела с медициной. Он ее рассматривал как еще одну часть прогресса: с одной стороны — телевизор, с другой стороны — врач.

«И так и так помру. Рано или поздно», — стоически размышлял он, когда, случалось, у него болел желудок. Обычно после какой-нибудь тяжелой пищи вроде холодца с хреном.

Впрочем, самое печальное, что прострелы в спине и в боках не только лишили его возможности загорать на карьере, но и согнали с балкона. Лежи целый день — не тужи. Поначалу он пытался читать, но буквы плясали, мысли убегали, как те скакуны из песни Газманова — ее в тот год часто крутили по радио — читать надоедало. Потом он играл сам с собой в шахматы, но после третьего детского мата, поставленного самому себе, затея показалась пустопорожней и идиотской.

«Как можно самому с собой играть, это же бред», — думал Покрышкин.

Какое-то время бедняга просто так лежал и смотрел в стену, вспоминал разные случаи из жизни, прокручивал их, как, бывало, прокручивал диафильм детям, когда те были маленькими.

Но эти самосозерцательные опыты почему-то приводили в уныние — опытный Борис Михайлович умело отслеживал опасное, почти смертельное для пенсионера чувство и блокировал усилием воли.

Все явственнее, настойчиво и даже дерзко попадался на глаза телевизор. Он стоял в углу, на его макушке белела ажурная салфетка, из-за которой аппарат напоминал чью-то квадратную голову в косынке.

На четвертый день покрышкинской лежки в дверь позвонили. «Продутый живчик», охая и причитая, пошел открывать. На пороге стояла Кузьминична.

— Слава богу, живой. А то ты, дед, пропал с балкона, я и заволновалась, думаю, мало ли, вдруг помер, — жизнеутверждающим голосом сказала соседка.

— Да я это, приболел. Продуло, похоже. Жду вот, когда отпустит, — ответил Борис Михалыч. — Да ты чего на пороге стоишь? Проходи, поболтаем. Правда, мне угостить тебя нечем.

Покрышкин скучал по живому общению, по наблюдению за жизнью двора, по людям. Невысокие стены с выцветшими бумажными обоями в бледно-коричневых узорах были плохими собеседниками.

— Да не, извини, спешу, — Кузьминична переминалась с ноги на ногу и сунула Покрышкину литровую банку с голубцами. — На вот, поешь. Сегодня сготовила.

— Спешит она, ты ж на пенсии, куда тебе спешить? Или смерть свою обогнать хочешь? — зловеще рассмеялся Борис Михалыч, а потом вдруг понял, в чем дело. — А-а-а, точно! «Сериял».

Он специально коверкал слово.

— Про богатых.

— Ага, «Богатые тоже плачут», — ответила соседка, — через пять минут начнется.

— И бедные плачут, и богатые плачут, и я плачу, — философски заметил Покрышкин. — Ну иди.

— Я завтра зайду еще, — голос Кузьминичны удалялся, она жила двумя этажами выше, на четвертом.

Борис закрыл дверь. Перед глазами, нагло выпятив стеклянное брюхо, стоял телевизор.

«Да черт с тобой! — плюнул Борис Михалыч. — Посмотрю, кто там плачет, не зря же стоит этот динозавр, занимает место. Посмотрю и, может быть, выброшу его на помойку или продам. Хотя кому он нужен, черно-белый».

Сериал оказался интересным, Борис Михалыч даже расстроился, когда он закончился, и какое-то время не выключал телевизор. Там шла реклама. Ненавистный Покрышкину врач в белом халате рекламировал аппарат магнитотерапии Елатомского приборного завода «Алмаг». Доходчиво рассказывал и объяснял его преимущества, показывая на примерах, как люди с болями и мышечными спазмами встают на ноги.

«Это ж мой случай», — пробормотал Покрышкин.

В его уме боролись два принципа. С одной стороны, недоверие к врачам, к прогрессу, нелюбовь к телевидению. С другой стороны, надоевшая боль и желание как можно скорее вырваться из четырех стен. А учитывая, что «сериял» про богатых ему в принципе понравился — особенно его героиня, жгучая брюнетка Марианна — маятник начал качаться в сторону доверия к телевидению и к «Алмагу». Хотя, если что и олицетворяет стык двух ненавистных Покрышкину категорий — прогресс и медицину — так это как раз чудо-аппарат, который лечит невидимыми импульсами.

На следующий день он позвонил сыну и рассказал о своих прострелах, болях и о твердом желании купить «Алмаг». Сын обещал всё устроить, и уже через пару дней Борис Михайлович прикладывал волшебный аппарат к спине, поросшей седым мхом.

Поначалу не помогало, но он заставил себя продолжить лечение и действительно через две недели Покрышкин уже вернулся на балкон. Правда не ночевал там, а лишь проводил часок-другой перед сном. Был август, ночи обдавали легким холодным ветром, все ближе подкрадывалась осень.

— Вот же и сволочь этот Мендисабаль, — сказал Борис Михайлович Кузьминичне, которая сидела под балконом и лузгала тыквенные семечки в сухую старческую ладошку, — склонился над Марианной, гад, как раз в тот момент, когда бедняжка потеряла сознание! И надо ж такому случиться, что именно в этот момент в комнату зашел ее жених Луис Альберто.

Борис Михайлович пересказывал соседке последнюю серию мыльной оперы, прекрасно зная, что она ее тоже смотрела.

— Не то слово! — с ненавистью прошипела соседка. — Козел!

— Пойдем уж, через пять минут начнется, — сказал Покрышкин.

— Сейчас догрызу и пойду, — ответила соседка.

— А чего ты грызешь эту дрянь? Взяла бы обычные семечки, подсолнечные, — Покрышкин брезгливо косился на кулек с желтоватыми семенами.

— Желудок больной, а это, — она кивнула на кулек, — говорят, лечит.

— Забеги ко мне, я тебе дам аппарат, который в рекламе увидел. Сразу после сериала нашего показывали. Ерунды не советуют, сама понимаешь. Мне спину вылечил и желудок вылечил. Вчера съел порцию шашлыков, и ничего! Раньше бы мучился изжогой, сутки, не меньше, — поделился Борис Михайлович.

Кузьминична сказала, что зайдет завтра, но Покрышкин ее уже не слышал: прозвенел будильник, который напомнил, что вот-вот закипят мексиканские страсти по ТВ.

Нельзя сказать, что Покрышкин радикально переменил свое отношение к миру. Он все так же любил подолгу гулять, наблюдать за возней во дворе, по-прежнему любил делать какие-то далеко идущие, странные выводы из увиденного. Но в плане прогресса и медицины заметно смягчился — оставил на летнем балконе свою туполобую косность и убежденность. Телевизор добавил к его

жизни немного специй, а аппарат «Алмаг» — бодрости и здоровья.

Однажды вечером, уже на исходе августа, Борис Михайловича вдруг посетили две мысли. Первая — что героиня мексиканской мыльной оперы чем-то неуловимо напоминает его супругу в молодости, в тот осенний день, когда они впервые встретились на проходной завода «Теплоприбор». Вторая — что надо написать письма.

«Это ж сколько людей лежат и мучаются этими прострелами в спине, а могли бы быстро встать на ноги, — думал Покрышкин. — И ведь не все же смотрят «Богатые тоже плачут» и рекламу, соответственно, не видят».

С этими мыслями Борис Михайлович сел писать письма. Одно — на завод, поблагодарить за помощь. Второе — на телевидение, чтобы рекламу аппарата показывали как можно чаще.

ПЛЮШКИН-КОКЛЮШКИН

Алексей Игоревич Коклюшкин больше всего на свете любил три вещи: жену Зину, велосипед «Старт-Шоссе» и внука Никитку — прыгучего пятилетнего мальчугана, которого дочка Наташа периодически подкидывала своим пожилым родителям для присмотра.

В тот майский день Зинаида Ивановна купила внуку кроссовки «Рибок». В начале 1990-х — просто немыслимая роскошь! Их привезли в «Детский мир» и продавали по цене набора продуктов на целый месяц. Кроссовки стояли в витрине, как два блестящих алмаза.

Задним умом Зинаида, конечно, понимала, что Никитке никакого дела нет до кроссовок. Ему бы куда больше понравился ядовито-зеленый черепашка-ниндзя или бутылка сладкого лимонада, или поход на аттракционы. Тем более ребенку было совершенно безразлично, каких огромных деньжищ стоят заморские штиблеты.

Он без проблем бегал в обуви фабрики «Скороход» и горя не знал. Тем не менее, бабушка любила внука и решила сделать дорогой, но, в сущности, бесполезный подарок. Алексей Игоревич поддержал супругу. Они всю жизнь дышали в унисон, особенно если дело

касалось заботы об «этом милom и замечательном мальчике».

Алексей Игоревич покраснел бы, как рак, если бы они купили что-то себе. Хотя бы зимнюю обувь. Зинаида хваталась, что в своих сапогах ходит уже 10 лет и «только замок надо сменить», об обуви Алексея Игоревича даже говорить стыдно. В 1975 году он купил себе у каких-то кустарей-сапожников стильные башмаки «на рыбьем меху» и носил их 20 сезонов, не обращая внимания, что «рыбий мех» давным-давно расщепился на атомы, а боковины обуви потрескались и порвались.

Кроссовки для Никитки хотели торжественно вручить к приходу Наташи. В тот день у нее стояла ночная смена в кондитерской фабрике — она работала технологом. В подобных случаях молодая мама сдавала сына родителям, как в камеру хранения. А куда его еще? Она — красивая, но нервная девушка, похожая на певицу Ирину Аллегрову. Вскоре после свадьбы развелась с мужем и воспитывала сына в гордом одиночестве. Денег не хватало, но Наталья усердно работала на трех работах.

— А ты уверена, что размер подойдет? Какие-то они короткие, на четырехлетку, а то и на трехлетку, — с сомнением сказал Алексей Игоревич, разглядывая пару белоснежных кроссовок, похожих на маленькие пароходики.

— Ну, конечно. Что я, ногу внука не знаю? — ответила Зинаида Ивановна и прищурилась.

— А вот и не знаешь. Эх ты! — разозлился Коклюшкин. — Смотри, вот его прошлогодние ботинки осенние.

Он по пояс залез в шкаф и вытащил оттуда осенний ботинок с разбитым носком и приложил подошва к подошве к кроссовку.

— Ну, полюбуйся. Башмак даже больше, чем эти «Рибки», а с прошлой осени у Никитки нога только выросла.

— Что же делать? — с ужасом спросила Зинаида.

— Чек у тебя остался?

— Остался.

— Давай сюда! Я быстро, туда-обратно! На велосипеде сгоняю, может, получится поменять.

Коклюшкин выгнал с балкона «Старт-Шоссе», на руль повесил авоську с кроссовками — не было времени привязывать ее к багажнику — и загрохотал по ступенькам.

До магазина от их дома было пять кварталов. Алексей Игоревич очень спешил — через полчаса «Детский мир» закрывался. Опытный велосипедист резво крутил педали, но допустил роковую ошибку. Хотел срезать путь дворами и, чтобы не тратить время, решил прыгнуть через две ступеньки на спуске.

Он думал, что его «Старт» только просвистит над этими ступеньками и опустится аккуратно на тропинку. Однако вышло иначе. Впопыхах Алексей Игоревич не заметил, что ступеньки не две, а четыре! Перелететь получилось не через них, а кубарем через руль. Он инстинктивно выставил вперед руки и пробороzdил подбородком асфальт, словно плугом.

«Главное, чтобы зубы остались целы», — первая мысль после аварии пролетела молнией.

Коклюшкин быстро, будто по клавишам фортепиано, пробежался языком по каждому зубу в отдельности. Все на месте. С подбородка капала кровь, на обочине валялся велосипед с передним колесом, скрученным в бараний рог. Рядом белели кроссовки.

Раненый, матерясь, полез за обувью — убрать с тропинки на всякий случай — и только тогда заметил, что два пальца на его правой руке, мизинец и безымянный, нелепо смотрели в разные стороны. Один вправо, другой влево, словно обидевшиеся друг на друга братья.

Выглядело это ужасно. Идея, возникшая спустя секунду после ДТП — несмотря ни на что бежать без велосипеда в «Детский мир», — растаяла. Куда тут побежишь?

«Бляха-муха! — выругался Алексей Игоревич — Это ж куковать целый месяц в гипсе».

К этому времени его подхватил какой-то сердобольный парень и повел в травмпункт Первой городской больницы. Велосипед, сказал, принесет позже. Алексей продиктовал ему адрес. По просьбе раненого парень связал кроссовки шнурками и ярмом повесил на шею Коклюшкину.

Вечером в таком виде — с гипсом, со справкой из травмпункта и «обувным ожерельем» Алексей Игоревич пришел домой.

— Дед пришел! Дед пришел! Такой смешной дед! Надел такую большую варежку летом, — прыгал вокруг него Никитка и пытался потрогать гипс.

Кстати, кроссовки, как ни странно, оказались ему впору.

Перед сном Зинаида Ивановна обрабатывала мужу раненый подбородок.

— Это еще мне повезло. Простым гипсом отделался, а ведь хотели ставить спицы, — кривясь, сказал горе-велогонщик.

— А знаешь, почему с кроссовками вышла такая чехарда? — спросила женщина, смазывая зеленкой ссадину на бороде мужа.

— Наташа приходила. Я ей рассказала о том, как мы мерили обувь. Оказывается, ты ее — Наташину — обувь взял из шкафа, она в ней ходила в первый класс, — рассмеялась Зинаида. — Эх, мы не Коклюшкины, а Плюшкины из «Мертвых душ», зачем мы это старье держим дома? Надо было выбросить.

— Выбросим завтра, — печально сказал Алексей Игоревич. — И ведь действительно ничего себе не покупаем. А сколько той жизни осталось?

Как-то вечером Зинаида Ивановна подошла к мужу с газетой «Вечерний рабочий», скрученной в тугую трубочку.

— Смотри, что тут написано, — сказала она и стала раскручивать газету, как свиток. — На последней странице. Аппарат «Алмаг» Елатомского приборного завода. Я давно о нем слышала, может, возьмем себе? Он и переломы лечит.

— Дорого, — сказал как отрезал Коклюшкин и сверкнул глазами из-под густых бровей.

— Да ладно тебе, скряга. Сам же говорил: сколько той жизни осталось, сколько той жизни осталось... Мы постоянно только о внуке, да о Наташе думаем, — сказала Зинаида.

После странной истории с кроссовками в ней будто сломался зажим. Она поняла, что никто по достоинству

не оценил ее лихую, гусарскую трату, кроме мужа — такого же горе-альтруиста — а ведь они, пожалуй, в самом деле заслужили чуть-чуть большего. Она всю жизнь работала в кассах-аэрофлота, он — инженером там же. Познакомились как-то случайно, на общем собрании комсомола.

— А что за аппарат? — заинтересовался Алексей Игоревич. Подсознательное уважение советского инженера к сложным техническим системам заставило любопытствовать.

— Я про него много слышала от соседок. Хороший. Перелом, говорят, за две недели исправит. Может, проверим? Он нам и в будущем пригодится, время-то идет, мы не молодеем.

Глава семейства почти во всем был согласен с супругой — не из-за слабых характерности, а просто так получилось, что они думали одинаково. Вот и он постепенно начал дрейфовать в сторону заботы и о собственных интересах.

Алексей Игоревич встал.

— Поди-ка, поддержи ковер, мне одной рукой неудобно, — сказал он жене и подошел к стене.

Зинаида Ивановна приподняла ковер. К его изнанке был пришит небольшой кармашек с заначкой. Там они хранили деньги на похороны.

Коклюшкин достал пачку денег, пересчитал.

— А если помрем? Точно хватит на погребение? — спросил он, всё еще не решаясь впервые за долгие годы потратить что-то на себя.

— И не по разу, — усмехнулась его жена.

Аппарат купили буквально на следующий день и сразу приступили к лечению.

— Ишь ты, какой хороший. Он ведь не только лечит, но и сближает людей. Как бы я им одной рукой пользовался? — шутил Алексей Игоревич. — Никак. А тут жена. Хочешь не хочешь, а придется смириться, попросить о помощи.

Прийти на снимок, чтобы снять гипс, нужно было через месяц, стандартная процедура. Но Коклюшкин искренне поверил, что кости срослись и потребовал гипс снять.

— Какой «снять»? — удивился доктор. — Товарищ, идите-ка домой, потерпите еще две недели. Все терпят, и вы потерпите.

Но Коклюшкин был настойчив и с силой треснул гипсом по столу, словно доказывая, что его пальцы в порядке.

Снимок ему так и не сделали — не положено.

Тогда он явился домой и большими ножницами, которыми Наташа и Зина кроили себе наряды, разрезал гипс самостоятельно. Пальцы поначалу не слушались, он даже испугался, но Зина сказала, что это нормально — отвыкли за две недели.

— Главное, что они вон какие прямые. Срослись. Видишь, шишки такие у тебя на пальцах, мозоли костные, значит затянулось уже, — сказала супруга, аккуратно взяв руку мужа в свою. — Но ты на рентген иди все равно.

— А что я скажу хирургу? Ругаться будет.

— Придумай что-нибудь. Про аппарат расскажи, может быть, он у них в больнице тоже стоит.

На следующее утро Алексей Игоревич снова стоял в кабинете хирурга.

— Сами сняли, — угрюмо констатировал хирург.

— Я это... — замешкался Коклюшкин.

— Под дождь попали. Гипс намок и развалился, правильно? — с лукавством уточнил хирург.

— Как вы догадались?

— Да так все говорят, кто самостоятельно гипс снимает. Хоть бы придумали что-нибудь более оригинальное. Дождя, кстати, уже третью неделю нет. Засуха. У меня в саду все посеы засохли. А поливать времени нет, сижу тут с вами...

Доктор хоть и слегка разозлился, но снимок сделал.

— А ведь в самом деле срослось, — задумчиво сказал он, под разными углами разглядывая черно-белый снимок. — Хорошо еще так срослось, ровненько! Как будто спицы стояли. Надо же.

— Это аппарат помог.

— Какой такой аппарат?

— «Алмаг» называется. Магнитотерапия, — со знанием дела ответил Алексей Игоревич. Он сам был очень рад, что перелом сросся и попросил подарить ему снимок на память.

— А ведь он у нас стоит, аппарат этот. Я ему как-то не особо доверял, но теперь буду изучать, спасибо вам большое!

Доктор пожал Коклюшкину исцеленную руку.

Дома на деда напрыгнул Никитка.

— Дедушка, пойдем мороженое купим! Мороженое хочу! — кричал мальчик, оставленный в «камере хранения» до следующего утра.

— Пойдем, — ответил дед, подхватывая внука на руки. — Только тебе мороженое, а мне квас. Договорились?

— Договорились, — согласился мальчик.

Вечером Алексей Игоревич решил написать на завод, где не просто рассказал свою историю, но и начал слегка философствовать. Что-то даже выделил красной ручкой. Например фразу: «Если совсем не думать о себе, то не будет сил и возможностей заботиться о других».

ЖИТЬ ПОТИХОНЬКУ

Когда бывшая учительница русского языка и литературы Наталья Николаевна Бочкарева раздавала своим знакомым банки с пупырчатыми огурцами, упругими помидорами и диковинными кабачками в форме морских коньков, то всегда деликатно приговаривала: «Только баночку верните, пожалуйста. Сделайте одолжение».

Тару почти никто и никогда не возвращал. Наталья расстраивалась, даже злилась и, несмотря на мягкий характер, при случае напоминала о «стеклянных долгах».

Она относилась к банкам с религиозным трепетом. Воспринимала их как священные сосуды, как важную часть ее специфического годичного круга, апофеозом которого была закатка-закрутка батареи разнокалиберных банок.

Каждую осень это занятие грело сердце бывшей учительницы словно печка-буржуйка во фронтовой землянке. Тепло от такой печки нежное и живое — и от закуток было нежное и живое тепло.

Колдуя над очередной банкой в облаке пара, Наталья Николаевна часто размышляла, что она не просто делает запасы на зиму, но и радикально продлевает жизнь урожаю, дополняет его солью, специями и новыми качества-

ми. И через это каким-то таинственным, непонятым образом продлевают жизнь и себе.

— Это искусство. Живопись, живой натюрморт! Понимаете? — говорила она соседке Владлене Марковне, протягивая ей литровую банку ярко-красного лечо.

Соседка ломалась, жалась, отказывалась.

— Спасибо, но у меня этого добра полная кладовка, некуда ставить.

Наталья Николаевна не обижалась, однако продолжала настаивать.

— А вы все-таки возьмите. Обидеть художника может каждый, — шутила Бочкарева. — А я чем не художник? Вместо кисти — закаточная машинка, вместо холста — банка!

— Эрмитаж в рассоле, — смеялась Владлена Марковна, все-таки принимая подарок, чтобы с okazji передарить его кому-нибудь или отвезти в сад на черный день.

Бочкарева не замечала, что тратит силы впустую, что несмотря на сложные времена, ее соления, в сущности, никому не нужны, а она сама не съедает и четверти от стратегических запасов.

Садово-огородное помешательство у учительницы началось с выходом на пенсию. Внезапно она обнаружила, что ей больше нечего делать. Некого учить, не о ком заботиться, некого упрекать: «Я ради тебя света белого не вижу, а ты...», некуда спешить.

Школьные хлопоты — все эти проверки тетрадей, контрольные и годовые работы, двоечники и отличники — осыпались меловой крошкой и остались где-то в учительской, у окна, где обычно сидела Наталья Николаевна.

На животных, требующих времени, любви и заботы у Бочкаревой была аллергия. Думала, что помогут родные дети — станут передавать ей внуков. Однако те строго и безапелляционно сказали, что в няньках нужды не имеют.

Одно время она пыталась заниматься репетиторством, но не пошло. Стеснялась приходить к чужим людям, а к себе пускать не хотела.

От уныния спасли шесть соток. Свой сад Бочкарева стала рассматривать как податливого ученика, в которого если вкладывать силы — выйдет толк. Итоговое сочинение, написанное на 5/5! Высший балл за грамотность и творческую работу.

И пошло-поехало: снова спешка, аврал, суета. Все последние годы «ученик» оправдывал надежды своего педагога. На закате лета выдавал исключительный урожай, который некуда было девать.

Бочкарева принималась возиться в саду еще в начале апреля, вскоре после того, как сходил снег, обнажая сонную вязкую землю. Женщина облачалась в малярный комбинезон, надевала высокие резиновые сапоги и с утра до вечера обрабатывала деревья от паразитов, тщательно сгребала прошлогоднюю листву, сжигала в большой садовой бочке сухие стручки малинника. В целом готовила «ученика» к новому учебному году.

Весна незаметно переодевалась в лето. Несмотря на постоянную работу с землей, Бочкарева не замечала смены времен года. И как заметишь, если целый день копаешься в земле, как крот? Пенсионерка часами не разгибалась: дергала сорняки, окучивала и прореживала грядки, обрезала

сухие стебли. Ее кисти, привыкшие много писать ручкой и мелом, работали без остановки, будто поршни мотора.

Особого удовольствия от процесса она не получала, а лишь маниакально следовала к своей цели — собрать богатый урожай и законсервировать его на веки вечные. Потому что в противном случае внутри Бочкаревой останется одна пустота.

— Вы, Наталья Николаевна, так и помрете на своих грядках, — говорила ей соседка по саду Нелли Борисовна.

Она в отличие от учительницы приезжала в сад отдыхать: ухаживала за парой-тройкой грядок и клумбой с бархатцами, ее участок напоминал пустырь с разнотравьем.

Такую вопиющую безалаберность учительница воспринимала чуть ли не как личное оскорбление,

— Не помру. Как же я могу помереть? А огурцы, а помидоры, а кабачки? — отвечала ей Бочкарева.

Однажды в разгар сезона, Наталья Николаевна обнаружила что ее руки словно заклинило. С трудом, через боль, она сумела разогнуть спину — а вот руки слушались плохо и болели. Так и осталась стоять с пыреем в руках.

Бочкарева впервые в жизни сильно испугалась: «Неужели инсульт? В самом деле ведь помру на грядках». Но потом прислушалась к себе: голова ясная, не болит, только кровь пульсирует в висках.

Проблема была в руках: от постоянной монотонной работы они начали скрипеть и клинить, как узлы старого железного станка, требующего смазки.

В тот день женщина оставила свои грядки в разобранном виде и отправилась к врачу. Невролог поставил син-

дром запястного канала, предложил изменить режим работы.

— Вы, наверное, много руками работаете. А в вашем возрасте нужно отдыхать, — сказал врач бледной, печальной Наталье Николаевне.

— Как вам сказать? Огород, сад, помидоры всякие, огурцы, — задумчиво пробормотала бывшая учительница.

— Придется с этим повременить.

— Как же повременить? Что я будут делать? Сейчас самый сезон, надо все полоть, скоро урожай поспеет, потом начнутся заготовки.

Привычный мир Бочкаревой начал трещать по швам и расслаиваться. Она понятия не имела, как жить, если у нее заберут последнюю отдушину — огород. Куда тогда спешить?

— Вы сделаете хуже и подвижность рук не вернется, — «утешил» доктор.

— У вас-то у самого есть сад? — внезапно спросила Бочкарева, как некоторые мамы спрашивают у всех встречных и поперечных о детях.

— Есть, но я там больше отдыхаю. Под грушей поставил железную панцирную кровать. Лежу, читаю или просто слушаю, как поют птицы, — зевая ответил доктор.

— Надо же, а ведь я и птиц-то ни разу не слышала в саду. Наверное, не водятся.

— Водятся, просто вы их не замечаете, — ответил врач.

— Не замечаю, — согласилась Бочкарева и внимательно посмотрела на свои руки. — Всё с этими сорняками возжусь, — даже голову поднять нет времени.

— Ну, теперь-то времени у вас будет много, — улыбнулся доктор и выдал рецепт.

Навалившиеся проблемы с руками, ставшими вдруг больными и чужими, имели эффект холодного душа. Бочкарева наконец призналась себе, что в последние годы ее садово-огородные подвиги были сродни анестезии. Они обезболивали какую-то внутреннюю опустошенность, сбивали углы тревоге.

Нужно было смириться с ситуацией, что это привычный ход вещей, пенсия, что не надо пытаться кого-то учить, куда-то спешить, что нужно наконец-то успокоиться и расслабиться. Ведь она это заслужила.

Бочкарева продолжила приезжать в сад, но уже не работала — не могла держать тяпку в руках — все больше сидела на сколоченной еще мужем-покойником скамейке и размышляла. В первый же день, свободный от выдергивания сорняков, Наталья Николаевна услышала пение птиц.

— Наташа, давайте я вам помидоры полью, пропадут, — Нелли Борисовна стояла у межи с лейкой в руках.

— Буду вам очень благодарна, а я что-то надорвалась. Руки не работают, болят, — сказала Бочкарева и повертела руками, безвольными и будто бы какими-то маленькими.

— То-то я думаю, что вы так приуныли, — ответила соседка и начала поливать помидоры. — А с руками вы не переживайте, мы это дело быстро поправим. У меня дома аппарат магнитотерапии «Маг-30» Елатомского приборного завода. Я вам его сейчас принесу.

Соседка закончила поливать грядки и засемила к дому — чистому, ухоженному «скворечнику» с высоким чердаком, заменяющим второй этаж.

Через минуту она вернулась с аппаратом и показала, как пользоваться.

— А я ведь взамен ничего дать не могу. Огурцы, может, возьмете? — Наталья Николаевна положила аппарат на колени.

— Ой, не надо, у меня свои. Пара кустов всего, но хватает.

— Эх, вот и мне бы надо успокоиться и по паре кустов сажать, — Бочкарева смотрела на свои владения, и ей почему-то казалось, что они были засеяны и обработаны не ей, а кем-то другим.

Хотелось просто сидеть и слушать птиц.

Учительница с педагогической скрупулезностью строго по инструкции стала пользоваться «Магом». Через несколько недель появились первые результаты: смогла без проблем застегнуть пуговицы на халате. Еще через неделю боль прошла, подвижность восстановилась.

Пока бывшая учительница лечилась при помощи «Мага», за ее грядками ухаживала соседка. Не так тщательно, как это делала бы хозяйка, но ответственно.

— Магический у вас аппарат, Нелли Борисовна, — сказала Наталья Николаевна, сгибая и разгибая пальцы.

— Мне дочка привезла из Москвы, лечимся всей семьей. Как ваши руки?

— Вроде уже и нормально. Правда, я сейчас не знаю, что с ними делать. Честно говоря, не особо-то хочется возиться с урожаем. Надоело, да и кому он нужен? Я ведь

и радости от этого не получала. Просто по инерции во-
зилась с рассадой, чтобы не думать, — призналась Боч-
карева и длинным печальным взглядом посмотрела
на соседку.

— Знаете, я думаю, что пенсия — это особенный пе-
риод, когда можно сделать то, на что никогда не хватало
времени в молодости. Неужели вы мечтали, скрючившись
буквой «зю» корпеть над помидорами? На что у вас, напри-
мер, не хватало времени, Наталья Николаевна? — спроси-
ла соседка.

Бочкарева задумалась, стала пролистывать страницы
памяти и вскоре пришла к выводу, что ей всю жизнь нрави-
лось писать. Но вместо этого она была вынуждена читать
сочинения: детские, наивные, иногда переписанные, ино-
гда талантливые и глубокие, но неизменно чужие.

— Знаете, писать всегда хотела, я же учитель русского
языка и литературы, всю жизнь в школе. Правда, времени
не было на собственные эссе или очерки. Даже письма
редко писала.

— Так пишете.

— А что писать?

— Ну вы же сами знаете. Начните с малого, вот хотя бы
письмо на Елатомский приборостроительный завод напи-
шите. Поделитесь своим опытом, как вам помог «Маг-30».

— Философских размышлений еще добавлю. Что-ни-
будь о спешке и огородно-садовом безумии, — пошутила
Наталья Николаевна.

— Лишним не будет! Вдруг они эти письма потом
опубликуют.

Вечером Бочкарева при свете лампы начала писать письмо на завод. Она рассказала о своих банках, огородах, тоске, больных пальцах и о том, что «Маг-30» вылечил не только руки, но и что-то в голове. Расставил по полочкам. Ее письмо заканчивалось так:

«Я поняла, что не надо никуда спешить и пытаться урвать все разом. Все объять. Вот тот же урожай, например. Лучше все делать спокойно, размеренно, потихоньку.

Потихоньку — это вовсе не пассивно и вовсе не глупо, это именно — «потихоньку». То есть без суетливой нервозности, без лишних ужимок и слов, со вкусом, проживая каждое мгновение жизни, не торопясь. Так голодный жуёт кусок вкусного ржаного хлеба и запивает его пьяным квасом. Так мать гладит голову спящего малыша. Так читают и перечитывают стихи. Так ухаживают за любимым розовым кустом.

Потихоньку можно построить город, который простоят тысячу лет. Потихоньку можно разбить врага, запустить завод, вспахать поле, потихоньку можно помешивать чай в стакане и парадоксальным образом мчаться куда-то тревожной ночью тоже можно потихоньку. Потихоньку можно жить и умирать.

Я чуть было не умерла на огороде и всё куда-то спешила. А теперь хочу сказать всем: живите, друзья, потихоньку. Придет смерть, спросит: «Ну как ты?», «Да, потихоньку», — ответите вы и не сгорите сразу, будто кусок папиросной бумаги, а посидите еще на дорожку вместе со смертью, неспешно лузгая семечки и щурясь на солнце. И Бог знает, сколько времени можно так просидеть».

Пятое письмо

«МОСКВИЧ-412»

Во дворе большого шумного дома, по форме напоминающего фигурку из тетриса, всегда было многолюдно. Мамы с колясками курсировали, как военные патрули, туда-сюда проносились вихрем дети, под грибочками сидели подростки.

В этой разноликой толпе выделялись двое седых мужчин лет по 70. Один худой и высокий, его товарищ — толстый и низкий. В любую погоду — в дождь, ветер, снег — они всегда ходили парой и живо обсуждали самые разные темы, в основном научно-популярного характера: тайны Бермудского треугольника, были ли американцы на Луне, можно ли построить вечный двигатель и так далее.

Их можно было увидеть в универсаме, где они выбирали кефир и пряники, или на скамейке под рябиной, или в сквере за домом — пожилые мужчины, как два мшистых мамонта, не спеша выплывали из-за кустов. Видели их и под грибком. Согнав подростков, деды сидели и играли в шахматы.

Тот, который длинный — более эмоциональный. Его звали Лев Иосифович Гизбрехт. Он часто махал длинными

тонкими руками и громко, чтобы услышал подглуховатый приятель, рассуждал во время прогулок. Его спутник — Антон Александрович Кнопкин — увлеченно кивал и говорил: «Ну надо же» или «Понятное дело», а иногда — бескомпромиссно, будто ставя печать в документах — «Так оно!». Было сложно догадаться, все ли он понимает из сказанного собеседником.

Наблюдая за этой компанией, невольно задумаешься: «А кто они, собственно, такие? Братья, друзья?». Их никто не видел вместе с такими же седыми спутницами в пуховых платках, панاماх, с авоськами и рассадой в тележках. Не было рядом и людей помоложе, которые могли бы быть их детьми или внуками. Никого. Только два мужичка, два высохших клена, два старых товарища, нашедших друг в друге отдушину. Ни детей, ни внуков, ни даже маленьких пугливых собачонок, помогающих пожилым людям не падать духом.

Лев Иосифович до последнего времени преподавал в местном политехе какую-то мудреную дисциплину вроде сопромата. Его жена несколько лет назад умерла, а дети, как только подняли «железный занавес», эмигрировали в Израиль. Хотели забрать на Землю обетованную и Льва Иосифовича, но он, услышав предложение, весь скривился, насупил брови и начал что-то сбивчиво говорить про Палестину, Голанские высоты, израильскую военщину и так далее. Стало понятно, что папа никуда не поедет.

Он жил один в небольшой однокомнатной квартире, до потолка заставленной книгами: технической литературой и художественной. Лев Иосифович был, пожалуй, первым и единственным человеком в городе, которому удалось собрать всю коллекцию «Библиотеки всемирной литературы» в 200 томах.

А вот его сосед и товарищ — тоже вдовец Антон Александрович Кнопкин — читал в основном только газеты, брошюры из подписной серии «Знак вопроса» издательства «Знание» и любил разгадывать кроссворды. Всю жизнь Антон Александрович работал кузнецом-штамповщиком в цеху штамповки деталей, самом шумном на заводе. Из-за постоянного лязга и грохота к старости он почти оглох и часто включал телевизор на полную громкость. Это, кстати, и послужило началу дружбы между двумя непохожими друг на друга людьми.

В тот летний день Лев Иосифович, страдая от скуки, решал задачник по высшей математике для поступающих в вузы. Снизу яростно орал телевизор. Ведущий «В мире животных» Николай Дроздов увлеченно рассказывал про ночную охоту электрического сома. Причем делал это так громогласно, что казалось, будто Дроздов знакомит с электрическим сомом лично его — Льва Иосифовича.

«Черт-те что такое!» — выругался Лев Иосифович, сунул ноги в тапочки и отправился к соседу. В этот дом он переехал относительно недавно — после смерти жены — и еще не успел познакомиться с его обитателями, да и не шибко стремился.

Гизбрехт быстро вычислил, из какой квартиры вещает Дроздов, и пять минут тарабанил по ней худыми, острыми кулаками.

Антон Александрович Кнопкин спокойно встретил соседа, внимательно его выслушал и внезапно предложил пойти в универсам — «купить этого дела» — выпить за знакомство.

«Я не пью. Язва», — ответил Лев Иосифович.

«Ну тогда по кефиру», — легко согласился Кнопкин.

Взяли по кефиру и с тех пор виделись почти каждый день.

Новых друзей не смущала радикальная разница в их жизненном пути: рабочий и профессор. В Кнопкине Гизбрехту нравился живой пытливый ум, смекалистость и неподдельное умение удивляться. Мир в его представлении был познаваем и вместе с тем невероятно интересен. В Гизбрехте Кнопкина поражала ученость, интеллект, эдакая старорежимная выправка.

— Лев Иосифович, вы же вылитый профессор Преображенский из кинокартины «Собачье сердце», — говорил Кнопкин.

— А вы, значит, Шариков? — шутил Гизбрехт.

— А я Шариков, — не обижался тот.

Кнопкин часто жаловался на руки. Во-первых, сильно застудил их в войну, во время Варшавско-Познанской наступательной операции, во-вторых, измочалил тяжелым трудом на заводе. К старости все это привело к плечевому артриту. А руки-то были золотыми! Антон Александрович чинил утюги, телевизоры, приемники и электро-

чайники всему дому. Ничего за это, разумеется, не брал, хотя ему постоянно несли: закрутки, ведра садовых яблоч, пучки сухой мелиссы, кабачки и тыквы циклопических размеров. Обострение артрита вешало тяжелый амбарный замок на импровизированную «ремонтную мастерскую Кнопкина». Он не мог поднять руку, а предплечья и локти ломило так, что было не до чужих фенов и холодильников.

Кнопкин жаловался, мучался, плохо спал, но лечение никогда не доводил до конца. На полпути бросал пить таблетки и ставить уколы, переставал посещать физиопроцедуры в госпитале ветеранов войн, ссылаясь на неудобное расписание троллейбуса, забывал мазать руки мазями и предпочитал просто ворчать.

— Сколько можно ворчать, идите лечитесь, Антон Александрович, вы не бережете себя! — часто ругался на приятеля Лев Иосифович. — А руки у вас, меж тем, еще могут послужить верой и правдой нашему отечеству.

— Лечился я уже, не помогает, только желудок сажаю, — отвечал Кнопкин и морщился, поглядывая на правую руку.

— И сколько вы лечились, позвольте поинтересоваться? — спрашивал Гизбрехт.

— Неделю таблетки пил, не помогло.

— Так оно и не поможет так быстро, наберитесь терпения, — рекомендовал Лев Иосифович.

Однажды к Кнопкину пришел сосед, в руке держал коробку.

— Возьмите, это последняя и самая поразительная разработка наших ученых. Она вылечит ваши руки, — сказал

Лев Иосифович, торжественно протягивая товарищу «надежду ученых России и всего мира».

Кнопкин снова скривился от боли, но неуверенно взял коробку и повертел ее в руках.

— Аппарат «Алмаг-01», — прочитал он название.

— Знакомьтесь, это прибор магнитотерапии производства Елатомского приборостроительного завода, — Лев Иосифович взял из рук приятеля коробку и достал оттуда аппарат. — Мне его посоветовали купить коллеги с кафедры общей физики и молекулярной электроники. На всякий случай. Он вам непременно поможет, однако есть одно но.

Последние слова Гизбрехт произнес таинственно.

— «Какое»?

— Нужно пройти курс в 20 дней, тогда будет эффект, в противном случае просто впустую потратите время, — ответил Лев Иосифович и сложил прибор обратно в коробку.

Кнопкин не проявил особого энтузиазма, но «Алмаг-01» взял. Сказал, что читал про пользу магнитотерапии в одной из брошюр издательства «Знание», к которому испытывал неподдельное уважение.

Гизбрехт каждый день приходил к приятелю с самого утра и начинал беседу с вопроса:

— Ну-с, как мы сегодня. Как ваши руки? Как аппарат? Почувствовали облегчение?

Антон Александрович честно признавался, что облегчения не почувствовал, но из уважения к приятелю готов строго следовать рекомендациям.

Спустя неделю Лев Иосифович уловил какие-то новые нотки в ответах своего друга. Стало понятно, что он вот-вот встанет на старую колею и прекратит лечение. Без того слабый запал — 20 дней заниматься руками — скукоживался и ссыхался. Тогда Гизбрехт решил вытащить козырь из рукава. В районе откуда он переехал и где провел последние 35 лет жизни, остался гараж, в кооперативе. Там дожидался своего часа «Москвич-412». После смерти жены Лев Иосифович ни разу не сел за руль. Легковушка словно машина времени переносила его в прошлое и слишком горячо напоминала о семье. Это вызывало в нем саднящее чувство жалости к себе. Очень опасное для стариков, способное исковырять сердце ржавой иглой, а там и до инфаркта недалеко.

— Послушайте, Антон Александрович, если вы доведете лечение до конца, то вы сможете помочь лично мне? — сказал Гизбрехт, глядя на шишковатые руки приятеля, которые тот не знал куда деть.

— Вы меня знаете, я всегда вам помогу, с радостью, — отозвался Кнопкин. — Только при чем здесь мой артрит?

— Видите ли, у меня в гараже хранится машина — «Москвич-412». Рабочая лошадка, очень удачная. В 1972 году на международном ралли «Рейд Польский» выдающийся спортсмен Стасис Брундза на «Москвиче-412» со 107-сильным мотором занял третье место, — деловито сказал Лев Иосифович.

— Что ж вы сразу не рассказали! — вскинул больные руки Кнопкин. — Я прекрасно знаю эту машину, у меня

когда-то была такая. С квартальных премий накопил. Я ж передовик производства. Пришлось продать, когда жена заболела.

— Значит, вам будет просто перебрать карбюратор?
Барахлит. — спросил Лев Иосифович.

— С закрытыми глазами! — уверил его приятель и закрыл глаза.

Для него почему-то эти воспоминания не казались трагическими, а даже наоборот. Кнопкин пообещал товарищу скрупулезно следовать плану лечения и через 20 дней вернул аппарат.

— Помогло? — с надеждой спросил профессор. — Болит?

— Нет. — даже с каким-то удивлением ответил Кнопкин. — Когда мы поедем перебирать карбюратор?

— А хоть сегодня! — сказал Лев Иосифович и полез в комод в поисках ключей от гаража.

Исцеление Кнопкина вдохновило пожилого профессора. Вечером, после целого дня, проведенного в гараже, он не обнаружил в себе ни капли уныния. Он словно перенял от своего друга умение воспринимать яркие всполохи памяти с чувством спокойной благодарности, а не тоски. Новое удивительное ощущение заставило его сесть за стол и написать кому-нибудь об этом. Поначалу думал отправить письмо в Хайфу сыну, но потом почему-то передумал и стал писать на завод. В своем письме он, как подобает физику и лирику в одном лице, не только рассказал историю соседа, но и сделал два замечания.

Одно техническое, одно философское. На техническом не будем заострять внимание — это рационализаторское предложение, как улучшить работу аппарата «Алмаг-01». В нем было много специальных терминов. А вот философское звучало так: «Память о былом и несбыточном может вызвать полярные чувства. Тоску об утраченном и благодарность о пережитом. В наших силах выбрать одно из двух. Но нужно помнить, что тоска приближает нас к гибели, а благодарность питает жизнью».

ФЕЯ ДЛЯ БАЛЕРИНЫ

Все говорило о том, что Сочи спит. Сезон уже давно кончился, курортники разъехались. Пестрые палатки с зонтами от солнца и расписными камушками исчезли с пляжей — их свернули и развезли по складам, гаражам и сараям.

Почти каждый день шел косой неприятный дождь, но даже когда ветер разгонял тучи, воздух казался таким влажным, что его можно было пить. Грустный ноябрьский город с холодным, остывшим мрамором старинных ронд и лестниц.

Феликс Леонидович Кузнецов, в старомодном длинном плаще и щегольской шляпе, бродил по этим лестницам, смотрел на холодное море с силуэтами далеких сухогрузов, сидел на глубоких скамейках и часто ловил себя на мысли, что самые унылые места в мире — это курорты глубокой осенью.

От сырости и скуки там можно покрыться мхом или навек замереть, как та морская фигура из детской игры «Море волнуется раз». Среднестатистический российский город живет буднями: их суетой, толкотней, троллейбусами и проходными. Сочи, Судак, Геленджик и Туапсе живут праздником.

Когда с последними теплыми днями праздник тонет в заливе, все замедляется и засыпает. Пьяный дух шашлыков и переспелых раздавленных абрикосов сменяет гаденький запах водорослей, а местные жители ходят сонные и какие-то нереальные, будто надувные матрасы, наполненные туманом.

Феликс Леонидович приехал на курорт из Омска. В день вылета на Юг в городе уже лежал снег. На обочинах омских улиц возвышались снежные эвересты, по ним, как горные козлики, скакали дети в шапках-ушанках и «петушках». В Сочи Кузнецов приехал по путевке Союза ветеранов одного оборонного завода, где он всю жизнь работал инженером. На предприятии Феликса Леонидовича ценили и уважали. Шутя, называли не Феликсом, а Фениксом — огненной птицей. Сказалось участие Кузнецова в создании знаменитой огнеметной системы ТОС-1 со смешным названием «Буратино».

Сибиряк, конечно, хотел поехать на курорт в мае или хотя бы в начале апреля, когда в Сочи цветут магнолии и можно ходить в одной рубашке с газетой «Советский спорт» под мышкой, но ему отказали. Сказали: «Феликс Леонидович, берите, что есть. Скоро и этого не будет, завод в агонии».

Инженер и сам видел, что происходит с родным заводом и, чтобы не сойти с ума от тоски и печали, согласился отдыхать в ноябре. Поехал один: с женой развелся еще в 80-е годы, а единственный сын Николай уже и сам был с проседью и работал все там же, на заводе, и месяцами не получал зарплату.

Санаторий «Литейщик» представлял собой немного декадентское, печальное зрелище. Под стать общей атмосфере в сыром ноябрьском Сочи и в рыночной постсоветской России. Так выглядят пожилые, разбитые болезнью и старостью генералы в парадных мундирах с потрепанными аксельбантами.

Центральный корпус, выстроенный в стиле барокко, еще держался молодцом, но даже издали казался каким-то выцветшим и потрескавшимся. Всё там тихо дышало летаргическим сном, но Кузнецов находил свое очарование в этом сне. Утром он ходил на процедуры в спелеокомнату — соляную пещеру со старомодными креслами, расставленными у стен. Спелеокомнату просто физически было сложно продать, сломать или разрушить, вот ее и открывали для припозднившихся отдыхающих.

Он садился в кресло, закрывал глаза, и, гоня тягучие пустопорожние мысли, старался глубоко дышать просоленным воздухом. После процедуры Кузнецов уходил гулять в заброшенный сад. Там обитали мраморные девы с отбитыми руками и скульптуры русалок, покрытые паутиной трещин.

Ему нравилась эта компания, и с некоторыми русалками он вполголоса делился своими сокровенными переживаниями о заводе, старости и стране. Он часто представлял Россию в образе куколки, из которой либо появится бабочка, либо саван засохнет и рассыплется.

Однажды на лавочке у фонтана он заметил одинокую фигуру. Пожилая женщина в темном пальто и берете ку-

талась в красный палантин и тихо, безучастно смотрела вдаль.

— Неужели тут есть живые люди? — поинтересовался Феликс Леонидович. Он встал рядом, занимая деликатную дистанцию от незнакомки.

— А вы тоже из «Литейщика»? — спросила женщина.

— Да, из шестого корпуса. А вы?

— Из четвертого.

— Я присяду, вы не против?

— Садитесь, пожалуйста.

Кузнецов расправил полы плаща и сел рядом.

— Позвольте представиться, — стараясь выглядеть галантным, сказал инженер. — Феликс Леонидович Кузнецов. Из Омска. Инженер.

— Анна Михайловна Волкова, — ответила женщина. — Из Ленинграда, балерина.

— Что, в самом деле балерина? — удивился Кузнецов и даже привстал.

— Представьте себе, — улыбнулась Анна Михайловна. — Балерины тоже стареют, выходят в тираж, покрываются морщинами, вон как эта мраморная русалка, и ездят по профсоюзной путевке в ноябрьский Сочи на отдых.

Кузнецов понял, что его удивление выглядело немного по-хамски и сломало все впечатление. Он взял себя в руки и, понимая, что говорит с утонченным человеком — балериной, да еще и из Ленинграда, задумчиво сказал:

— Тут тихо, одиноко. Очень поэтическая атмосфера.

Анна Михайловна оживилась.

— А вы сходите, прогуляйтесь. В частном секторе кипит жизнь. Я была в прошлом году и много гуляла.

— И что же за жизнь там кипит? — уточнил Кузнецов.

— Она закипает после небольшой октябрьской спячки. Когда бабье лето уже выдыхается, местные жители обычно дремлют у своих пустующих гостевых домиков. Летом они сдают их туристам. И вот они бездельничают, переваривают пережитый сезон, но в ноябре как по будильнику встают и начинают сумасшедшую стройку. Вкладывают деньги, заработанные за лето: сколачивают скворечники, куда потом заселят туристов. Делают просто немыслимые мезонины и флигеля. Очень смешные, забавные. Вы сами сходите, посмотрите.

Феликс Леонидович удивился, что такая утонченная женщина так легко и со знанием дела рассуждает о стройке, словно всю жизнь была бригадиром.

— Схожу, тут все равно нечего делать, скука.

— Сходите, здесь недалеко.

— А вы меня проводите? — седовласый ловелас перешел в наступление.

— Посмотрим, — загадочно сказала Анна Михайловна, потом внезапно подхватила сумочку и грациозно встала со скамейки, — до свидания.

На последних словах ее перебил приступ кашля.

— Тут чудовищно сыро, хуже, чем в Питере, — пробормотала балерина и махнула рукой, — до свидания.

Кузнецов махнул в ответ.

Весь следующий день Феликс Леонидович как коршун кружил вокруг четвертого корпуса в ожидании своей новой знакомой. Он словно случайно садился на скамейку

с газетой, раз двадцать прошел вдоль небольшой аллеи платанов, заложив руки за спину, караулил Анна Михайловну в холле, делая вид, будто читает карманный сборник стихов Александра Блока.

Балерина не появлялась ни на завтраке, ни на обеде, ни на ужине.

На следующий день Феликс Леонидович сходил на процедуры и по привычке отправился к своим мраморным русалкам. На той же скамейке сидела Анна Михайловна, ее лицо до самых глаз закрывал красный палантин.

— А я и не думал вас снова встретить, — обрадовался Кузнецов. — Вы меня заинтриговали, пойдемте изучать жилые скворечники?

— Не смотрите на меня, — кокетливо сказала балерина и подтянула палантин.

— Что случилось? — удивился Кузнецов.

— Я себя неважно чувствую, заболела. Тут так сыро, я даже не ожидала. В прошлом году, знаете, ноябрьский Сочи был таким охристым, сухим. Я часами бродила по этим паркам. Кажется, всё здесь обошла и скворечники как раз тогда разглядела. А сейчас всё иначе.

Голос Анна Михайловны был глухим и хриплым.

Кузнецов вздрогнул. Он понял, что поймал за хвост синюю птицу, и сейчас сможет в два счета расположить к себе ленинградскую балерину. В ящике его номера, под стопкой газет «Советский спорт», которые он не выбрасывал, лежала козырная карта — устройство теплового лечения «Фея». Прекрасное средство от простуды, не раз спасавшее Кузнецова в разгар эпидемий.

Дело в том, что омский комбинат, на котором трудился Феликс Леонидович, имел какие-то давние, еще советские связи с другим бывшим оборонным заводом — Елатомским приборостроительным, что под Рязанью. После перестройки он начал выпускать медицинскую технику. Некоторые уникальные аппараты по старой дружбе оказывались и на Омском заводе. Ими премировали отличившихся сотрудников. В частности, «Фею» Феликсу Кузнецову подарили коллеги на 70-летний юбилей. Он везде возил ее с собой в дипломате. Благо, прибор маленький и не занимал много места.

Кузнецов решил зайти издалека.

— А вы пробовали спелеопроцедуры? — вкрадчиво спросил инженер, но быстро осёкся, хлопнул себя по лбу и сказал сам себе: «Старый дурак, конечно, пробовала. Тут же ничего другого нет!».

— Вы правы, пробовала. Вчера целый день там просидела. Не помогло, стало только хуже.

— Ах вот вы где были.

— А вы меня искали? — хрипло, но с игривыми нотками в голосе спросила балерина.

— Честно говоря, да, мы же хотели прогуляться. А вообще, знаете, есть решение!

Феликс Леонидович засуетился, заспешил, его словно пронзило током. Внутренний голос сбивчиво шептал: «У тебя мало времени. Посмотри, как призрачна эта осень, ей осталось совсем чуть-чуть, и скоро выпадет снег. Наступит зима. Ведь даже в Сочи бывает зима».

— Ради бога, подождите меня здесь, я мигом! — закричал Кузнецов и бросился в сторону своего корпуса.

Через 15 минут он стоял у балерины с «Феей» в руке.

— Это «Фея», — задыхаясь сказал он, показывая аппарат Анне Михайловне, которая всего за пару дней перешла из разряда таинственной незнакомки в положение пассии.

— Настоящая? — усмехнулась балерина.

— Конечно! Мне ее мои товарищи подарили, — не понял юмора пожилой инженер. — Знаете, как она работает? Сейчас объясню. Дело в том, что вирусы и микробы в нашем организме чувствуют себя превосходно при температуре 35–37 °С, но при 40–42 °С они умирают.

— Так и человеку умереть недолго в таком жару, — сказала Анна Михайловна и поежилась.

— В том то и дело! «Фея» оказывает местное тепловое воздействие и убивает микробов. Попробуйте хотя бы день-два по 15 минут обрабатывать нос, который вы прячете. Увидите, что пройдет.

— Я вам не верю, — кокетливо сказала балерина. — Я обычно болею недели по две, а то и по три. Однажды проболела всю осень и только к Новому году пришла в себя.

— Давайте пари, — перешел к своему плану Феликс Михайлович.

— Какое?

— Если поможет, мы пойдем с вами посмотреть на эти удивительные скворечники, а потом поужинаем в ресторане.

— А вдруг я замужем, и мой муж, например, офицер Генштаба, вызовет вас на дуэль и застрелит. Вы умеете стрелять? — весело спросила Волкова.

— Вы не замужем, — уверенно ответил Кузнецов.

— С чего вы взяли?

— Кольца нет на пальце, всё просто.

— Ну да, вы правы, — уже спокойно, без улыбки рассказала Анна Михайловна. — С мужем — директором нашего театра оперы и балета — мы развелись в 1979 году.

— Ну что, идет? — с нетерпением спросил Кузнецов, протягивая «Фею» своей спутнице.

— По рукам, — ответила балерина.

Двое суток прошли в томительном ожидании. Кузнецов много гулял, сидел на холодном мраморе фонтанов, катался вверх-вниз на фуникулере. Ему казалось, что железная карета горного короля каким-то неведомым образом хранила тепло июля. Дух отпуска, восхитительного пляжного лета, приправленного хмели-сунели, как бы консервировался в фуникулере, оставался там ночевать до весны. И пожилой инженер, глядя в окно на редкие желтые, красные, бордовые листья, пропитывался этим духом и ждал, когда поправится его балерина.

Спустя несколько дней на скамейке у русалок он увидел Анну Михайловну, она была одета иначе. В шерстяном спортивном костюме.

— Феликс Леонидович, а вы почему так выглядите? — спросила балерина, разглядывая плащ инженера и начищенные до блеска туфли. — Нам далеко идти. Есть у вас удобная обувь и спортивный костюм?

— Вы выздоровели? Помогла «Фея»! — обрадовался Кузнецов.

— Помогла. Действительно. Так что насчет обуви?

— Есть кеды, не проблема. Только как же ресторан?

Услышав про ресторан, Анна Михайловна скривилась.

— Терпеть их не могу. Мне их в Ленинграде хватило с лихвой. Батоном с ряженкой пообедаем. Можно же вам батон с ряженкой?

— Можно! — радостно сказал Феликс Леонидович и, как юноша на здоровых молодых ногах, побежал переодеваться.

В тот же вечер, переполненный эмоциями, он написал сентиментальное письмо на завод. «Фея» дала Феликсу Леонидовичу редкую возможность ухватиться за край собственной юности, и он держал этой край изо всех сил.

В письме Кузнецов поделился мыслью, что в человеческой старости есть один удивительный приз, своего рода компенсация за болезни и ноющие суставы. Это чудесная возможность воспринимать жизненные события ярко, как в детстве и отрочестве, во времена, когда первая любовь сводила с ума и лишала сна. Зрелый человек лишен всего этого: острые чувства съедает суета и ворох неотложных дел, сердце сковывается цепями из писчей бумаги. Душа освобождается к старости, и если подойти к ней серьезно, то можно прожить жизнь счастливо и глубоко.

ШУМОМЕР

Арте́м Серге́евич Па́влов, молодой учитель истории и обществознания, недавно переехал из областного центра в небольшой поселок городского типа. Не заладились отношения с директором школы — скандальным, склонным к интригам человеком, похожим на актера Михаила Пуговкина.

Маленький школьный фюрер видел в Павлове опасного конкурента и пытался «построить» его, как «строили» самого директора в армии, заставляя зубной щеткой надраивать до блеска унитаза и раковины. Санфаянс Павлов, конечно, не чистил, но мучался составлением бесконечных, надоевших до зубной боли отчетов, графиков, рабочих программ по предметам и так далее.

Он бы с удовольствием променял тошнотворную бумажную волокиту на чистку умывальников и унитазов, но такого выбора ему не давали, и он до мозолей на пальцах писал какую-то никому не нужную чепуху.

К проблемам на службе добавились и тягучие домашние дрязги. «Любовная лодка разбилась о быт», — писал в своей предсмертной записке Владимир Маяковский. Да и как ей было не разбиться, если в школе Павлову платили жалкие

крохи, а его жена целыми днями смотрела телевизор, где выпукло и бесстыже показывали сериалы про богатых. Детей у пары не было.

Чтобы не разводиться с супругой, скромный и деликатный Артем решил пожить отдельно и снял убогую комнатушку в нехорошей коммунальной квартире. Там пили, дрались и часто беззастенчиво воровали у Артема еду из холодильника, который стоял на общей кухне.

Учителю приходилось прятать холостяцкие ужины в целлофановом пакете. Он привязывал одну сторону веревки к дужке кровати, другой связывал ручки пакета и выбрасывал его висеть за окном, благо была зима. Но и оттуда хитрые соседи умудрялись похищать его скромные кастрюльки с замороженными супами и макаронами.

Одна из пьяниц — собутыльники называли ее Клавка Помидориха — работала на рынке, и у нее была такая специальная длинная палка с крюком на конце. С ее помощью торговка снимала и показывала клиентам сатиновые халаты, висящие в поднебесье полосатой палатки. Вот этим нехитрым приспособлением воришки и поддевали «продовольственный пакет» Павлова, высунувшись из соседнего окошка.

В общем, жизнь у Артема Сергеевича связывалась в мелкие тугие узелки, и он часто сравнивал себя с Акакием Акакиевичем из гоголевской «Шинели».

А тут вдруг поступило неожиданное предложение: начальник комитета по образованию советовал переехать в глухой поселок в 100 километрах от города. Сулил золотые горы:

— Артем Сергеевич, вы живете, как черт знает кто. В каком-то притоне. Еще, чего доброго, пить начнете? — говорил чиновник, с легкой брезгливостью поглядывая на Артема.

— Вы же знаете, я не пью. Принципы, — коротко ответил Артем.

— Ну да, знаю, знаю.

— В общем, смотрите, глава сельсовета пообещал выдать вам квартиру. Трешку! Представляете! В старой хрущевке — единственной в поселке. Живите, сколько влезет, по соцнайму. А там и с женой, глядишь, помиритесь, обратно вернетесь.

Артем задумался. Предложение переехать в маленький поселок на фоне его кособокой вывихнутой судьбы казалось неплохим вариантом, но отправиться в глухомань было немного боязно.

— У вас 8–11 классы, — продолжал чиновник, а потом выждал небольшую паузу и торжествующе добавил. — Там в каждом классе по 10 человек максимум, представляете? А у вас по сколько?

— По тридцать, — задумчиво ответил Артем.

У него был тихий тонкий голос, почти тенор, и когда он что-то рассказывал о правлении Александра II или о ельцинской конституции, его почти никто не слушал. Слова растворялись в гомоне ошалевших подростков и каким-то ошметками долетали разве что до отличниц, сидящих на первых партах. Но и те слушали без особого интереса. Просто потому, что они отличницы и надо держать марку.

— А еще знаете, что самое главное? — продолжал начальник уговаривать учителя.

— Что? — спросил Павлов.

— Кормить будут в школьной столовой! Завтрак и обед. Ну, ужин вы как-нибудь сами. Соглашайтесь, Артем Сергеевич. Вам там в рот будут заглядывать, — пообещал чиновник, словно догадываясь о непростых отношениях Артема, борщей в кастрюльках и злокозненных пьющих соседей.

— А предыдущему историку тоже заглядывали в рот?

— Наверное, — равнодушно ответил чиновник. — Он помер перед Новым годом. От водки. Ребятам на третью-четвертую четверть кровь из носа нужен учитель. Довести их до выпускных экзаменов и итоговых контрольных.

Артем согласился, потому что хуже быть уже не могло, а на новом месте проглядывалась перспектива хотя бы перевести дух. Вещей у него набралось всего на два чемодана. В одном лежали рубашки, пара брюк и спортивный костюм с рынка, в другом — книги, а также подаренный коллективом на 40-летие аппарат магнитотерапии «Алмаг-01». С таким скромным скарбом он переехал в один присест, забросив чемоданы в багажник казенных «жигулей». Машину для переезда выхлопотал начальник комитета по образованию — так сильно он обрадовался, что разыскал учителя на замену.

С началом третьей четверти Артем Павлов приступил к работе.

Классы были хорошими, ребята, не в пример городским, слушали внимательно и даже задавали вопросы. Квартира тоже понравилась, по-спартански пустая, но чистая: стол,

черно-белый телевизор, ковер, железная кровать, радиоточка на кухне. А вот с соседями снова не повезло.

Где-то через несколько дней, около 18 часов, в его дверь громко постучали. Павлов отложил тетради, взятые на проверку, и пошел открывать. Как только распахнул дверь, тут же получил в руки длинную жердь швабры. Ведро с мыльно-грязной водой грохотнулось у порога.

— Здравствуйте! — Холодно и недружелюбно обратилась к нему высокая худая старушка с сиреневой «химией» на голове. На ее длинном, остром носу блестели стекла очков. Из-за того что женщина держала голову как-то книзу, в эдаком оценивающем полунаклоне, очки сползли. — Меня зовут Клавдия Никитична.

— Артем Павлов, — тихо представился учитель, поглядывая то на женщину, то на швабру. — Я недавно здесь, из города переехал. Учитель.

— Вижу, что не шахтер, — усмехнулась Клавдия Никитична. — Значит так, учитель, возьмите швабру и, будьте так любезны, с первого по пятый этаж всё вымойте. Вот, поглядите.

Клавдия Никитична протянула педагогу листочек в клеточку с каким-то графиком.

— Сегодня, видите, 20 число, ваша очередь мыть, — в словах соседки Павлова угадывалось какое-то странное, непонятное злорадство, — у нас все моют по очереди: на прошлой неделе Светлана Борисовна из 16 квартиры, на позапрошлой Марат Кузьмич из 15-й, на этой — вы.

— Надо так надо, — покорно ответил учитель и вдел ноги в тапочки, — я тут, знаете, тетради проверяю, голова

кипит, как самовар, а лучший отдых — это смена деятельности. Так что я даже с радостью.

Лицо соседки оставалось холодным и немного презрительным.

— Мне потом принесете, — кивнула она на швабру, — как вымоете, я под вами живу.

Женщина не прощаясь стала спускаться. Артем обратил внимание, что вздорная соседка, чтобы выдать ему швабру и ведро, отчего-то надела туфли на каблуках. Их цокот через 10 секунд оборвался в квартире этажом ниже.

Павлов вымыл подъезд, вернул инструмент соседке и снова зарылся в тетради. Приехав в поселок, он решил сделать небольшой контрольный срез по своим предметам, чтобы выяснить приблизительный уровень школьников. Через полчаса педагога снова прервал стук в дверь. На пороге стояла Клавдия Никитична, в руках держала тряпку.

— Мне что ли за вас мыть?! — капризно сказала женщина, пытаясь впихнуть тряпку в руки учителя. — Возьмите, возьмите, чего вы стесняетесь?

Она все-таки всунула тряпку в руки растерявшегося педагога.

— Так я же все вымыл, — начал было оправдываться он.

— А тряпку кто мыть будет? — протянула Клавдия Никитична. — Я не обязана за вас мыть.

— Простите, виноват, — Павлов закивал и отправился с тряпкой в ванную. — Подождите секундочку, я мигом.

Через минуту он вернулся с тряпкой и передал ее соседке. Она, не сказав ни слова, брезгливо взяла тряпку ногтями и спустилась.

С тех пор Клавдия Никитична стала заходить регулярно и постоянно со скандалом. То ей не нравилось, как Артем ходит — сильно топают — то, как готовит курицу на бутылке: «На весь подъезд вонища. Вы что ее там, сжечь решили?» — то как он смотрит черно-белый телевизор — слишком громко!

Однажды в воскресенье, когда учитель решил оградить себя от писанины (ее, кстати, было значительно меньше, чем в городской школе) и посмотреть телевизор, соседка пришла ругаться не с пустыми руками.

Старушка опять была на каблуках. Павлов понял, что она надевает такую обувь только в какие-то особые моменты. В руках старушка держала продолговатый прибор в железном корпусе с выпуклыми глазницами шкал, с маленькой антенной. С виду штуковина напоминала сказочный домик с глазами и оскаленным ртом.

— Это шумомер, — представила Клавдия Никитична незваного гостя. — И он показывает...

Она прищурилась, поправила сползшие очки и словно через боль сказала:

— 75 децибел, — с таким грохотом работает трактор. — И этого хватит, чтобы написать на вас заявление в милицию.

Обычно в такие минуты Артем смотрел на нее с легким снисхождением: воспитание не позволяло ему нагрубить вздорной соседке, и он всё чаще просто кивал, проглатывал обвинения, извиняюще улыбался и закрывал дверь. Но прибор, который она приволокла, вывел его из равновесия.

— Да что вы ко мне пристали, Клавдия Никитична? Что я вам сделал? Придираетесь по каждому поводу.

— Просто нужно уважать покой соседей, — безэмоционально ответила старушка и сунула шумомер в карман халата.

Она смерила долгим взглядом Павлова и будто на мгновение смягчилась.

— Я милицию вызывать пока не буду, но, если вы не прекратите шуметь, имейте в виду.

— Тьфу ты, — плюнул Павлов и, закрывая дверь, поймал себя на мысли, что чуть было не выругался матерно.

Поселок маленький, все друг друга знают. Педагог решил навести справки о своей странной соседке. Выяснилось, что и она когда-то работала в школе завучем, но поссорилась с директрисой и была вынуждена уволиться. Последние лет 20 до пенсии работала на почте — целыми днями сидела, склонившись над письмами.

— Она из-за сидячей работы остеохондрозом шейным страдает и, видать, когда у нее обострение, она к вам ходит ругаться, наверное, так легче становится, — поделился предположением старожил школы — пожилой, круглый, как глобус, учитель географии Марк Климович.

Павлову стало жалко соседку. А ведь у нее была похожая история — почти как у самого Павлова. Правда, он не собирался идти работать на почту. Собственно, учитель и раньше не испытывал какой-то особенной злости из-за ее уколов, скорее, недоумение, но теперь по-настоящему пожалел. Из грозной злоющей соседки Клавдия Ники-

тична превратилась в несчастную одинокую пенсионерку, с судьбой, переломанной через колено.

«У меня ж аппарат есть «Алмаг-01»!» — вспомнил Павлов. — Принесу ей, от остеохондроза!».

Учитель, дожидаясь выходных, всю неделю старался не шуметь после работы, чтобы не провоцировать соседку. В субботу он спустился, постучал в дверь. Ему открыла Клавдия Никитична. Поскольку ее застали врасплох, она еще не успела примерить своё фирменное надменно агрессивное выражение лица и слегка растерялась.

— Учитель? Чего хотели? — старушка взяла себя в руки.

— Вы приходили в прошлый раз, я заметил, что вы голову держите специфически. Книзу ее клоните. Болит? — Павлов спрашивал искренне с участием.

— Болит, — внезапно спокойно, без колкостей ответила бабушка. — Остеохондроз от сидячей работы.

— Попробуйте «Алмаг-01», — мужчина протянул соседке аппарат. — Две недели каждый день обрабатывайте шейно-воротниковую зону, поможет, вот увидите.

На удивление старушка не стала артачиться, а взяла прибор, кивнула и, закрывая дверь, даже слегка улыбнулась.

Однажды вечером в дверь Павлова постучали. Он бухнул пухлую стопку тетрадей на стол, потянулся и пошел открывать. На пороге стояла Клавдия Никитична — опять же на каблуках — на ее плечи был накинут красивый павловопосадский платок. Она больше не держала голову в болезненном полуобороте, а смотрела на соседа открыто и с благодарностью.

— Спасибо Артем Сергеевич, — женщина впервые назвала учителя по имени отчеству, — помогло. Я ж человек педантичный — 10 лет завучем в школе работала, привыкла все делать строго, поэтому не пропускала ни одного сеанса. Сейчас могу уже головой нормально двигать.

Женщина протянула аппарат Артему, а потом из-за спины достала жестяную банку индийского растворимого кофе.

— Возьмите небольшой презент, — сказала она, протягивая Павлову кофе, — Чтобы не спать, когда проверяете тетради. По себе знаю, как это сложно.

Павлов принял подарок и из вежливости предложил выпить кофе на кухне, но старушка отказалась. С тех пор она больше не досаждала учителю. Однажды весной они столкнулись в магазине, и учитель вызвался помочь дотащить ее сумки.

— Клавдия Никитична, а я все хотел спросить. Откуда вы взяли этот самый прибор, смешной такой, шумомер, — поинтересовался учитель, перепрыгивая через лужи.

Соседка прыгала за ним.

— Это мужа. Он умер еще лет 10 назад, а работал физиком в нашей школе, был у него такой прибор. Мы им иногда смеха ради шум в коридорах на переменах замеряли, — Клавдия Никитична говорила веселым и живым голосом. Было понятно, что ей приятно вспомнить о муже. — В некоторые дни грохот стоял, как на взлете реактивного лайнера.

Она засмеялась, а потом уже немного печально добавила.

— Не нравилось нашей директрисе, что мы вместе с мужем работаем в одной школе. Может, глаз на него положила, завидовала счастью, может, еще чего. В общем, пришлось уйти. Я на почту пошла, а муж в училище в соседний поселок. В итоге двадцать лет трудилась на почте, а ведь могла бы детей учить, школу вывести в лидеры по району — я очень инициативная. Но не судьба, получила шейный остеохондроз и скверный характер. Если бы не ваш «Алмаг», я бы и головой не могла повернуть.

Клавдия Никитична сбавила шаг и аккуратно обходила лужи.

— А муж где? — спросил Павлов.

— Загрустил он чего-то, затосковал, а там и Союз распался. Училище закрыли. И вот в один из дней, зимой, в воскресенье, у него тромб и оторвался, не спасли, — с оттенком черной печали в голосе сказала бывшая завуч. — Один шумомер, вон, остался от него. Я его храню.

В тот вечер Артем Павлов, закончив проверять тетради, заварил три ложки индийского кофе и стал писать письмо на Елатомский приборный завод. Хотел поблагодарить предприятие за то, что «Алмаг» избавил соседку хотя бы от боли в шее.

Написав письмо, он много думал, что ни один ершистый тяжелый характер не может появиться сам по себе. За каждым стоит какая-то печаль и драма. И иногда даже самое ерундовое участие в жизни такого человека способно вытащить его из болота.

НОЖНЫ ДЛЯ ЛУЧШЕГО ДРУГА

В одном из ресторанов Махачкалы гуляла огромная, в 500 человек, свадьба. Новобрачные — красавица Амина и крепкий, словно отлитый из бронзы, Рамазан, член сборной республики Дагестан по борьбе, — скромно сидели за столом и мелкими глотками цедили гранатовый сок.

Их родственники уже 11 раз выходили в центр зала танцевать лезгинку, стреляли из «Сайги» в воздух, трижды похищали подружку невесты и периодически, сверкая глазами, выходили на улицу «поговорить», но неизменно возвращались, обнимая друг друга за плечи. В общем, всё, как на любой свадьбе. После одного из таких несостоявшихся конфликтов, заслуженный работник республиканской прокуратуры дядя Магомед Магомедович привстал со стула, немного откашлялся и сказал:

«А теперь пусть наш ветеран, дорогой и всеми уважаемый Рамазан Рашидович, произнесет тост! Рамазан Рашидович, пожалуйста». А потом прикрикнул: «Передайте дяде Рамазану микрофон!».

Тамада — юркий и проворный мужчина с щеткой черных усов — спринтерски побежал стометровку в дру-

гой конец гигантского, пышущего жаром и паром стола. Там сидел сухой белобородый аксакал в тубетейке с кисточкой — дедушка жениха и уважаемый человек. Каждое его слово весило целую тонну, поэтому его часто приглашали «решать вопросы» — как правило, всякие конфликтные ситуации, иной раз возникающие между молодыми и горячими джигитами. При виде Рамазана Рашитовича даже борцы с самыми поломанными, изуродованными ушами непроизвольно вставали и внимали тому, что он скажет.

Зал замер, гомон утих, все приготовились слушать.

«В одном горном селе Унцукульского района осталось совсем немного людей. Человек двадцать и всё старики, — без прелюдий, с места в карьер, начал Рамазан Рашитович. — Они почти не общались с внешним миром. Только раз в месяц к ним приходил почтальон и приносил пенсию, а одному из старожилів села — Омару Гаджиевичу — журнал «Здоровье», который он очень любил».

По залу прошелся легкий смешок, но заслуженный работник республиканской прокуратуры Магомед Магомедович сделал такие глаза, что все в один миг замолчали.

Рамазан Рашитович продолжил: «Всем известно, Унцукульский район славится своими кузнецами. Они столетиями делали отличные кинжалы, о которых мечтали все джигиты Кавказа. А Омар Гаджиевич изготавливал для этих кинжалов ножны. Великое искусство! Это ремесло передал Омару Гаджиевичу его отец Гаджи Омарович, а тому — его отец, и так история мастеров уходит в века. Однако шли

годы, здоровье Омара Гаджиевича падало. Когда ему исполнилось 130 лет...»

По залу снова пробежал смешок, и снова Магомед Магомедович обвел присутствующих таким острым и колющим взглядом, что им, как пулеметной очередью, скосило макушки скептиков.

«...Когда ему исполнилось 130 лет, — снова повторил Рамазан Рашитович, будто давая понять, что он не оговорился, — мастер сделал свои последние ножны, которые были украшены драгоценными камнями. Ах, какие хорошие получились ножны! Омар Гаджиевич работал без прорыва целый месяц, ведь он понимал, что это изделие поставит точку в их фамильном деле. Всевышний не дал Омару и его супруге сына. Некому было передать ремесло. Ножны — единственное, что осталось бы от их великого рода. Однажды, когда на День Победы в гости к ветерану пришли уважаемые люди из администрации, тот завещал, чтобы после его смерти те самые ножны передали в краеведческий музей Унцукульского района».

Рамазан Рашитович перевел дух и пригубил гранатового сока. Магомед Магомедович стоял, вытянувшись во фрунт и, как губка, впитывал каждое слово аксакала, периодически зыркая на гостей — для порядка.

«Был у Омара Гаджиевича настоящий друг. Кузнец! Самый искусный кузнец села — очень уважаемый человек Шамиль Хаджиевич Алиев. Нет слов, чтобы описать сделанные им клинки и кинжалы. И он тоже — выходец из знаменитого рода кузнецов. На селе говорили, что в по-

следнюю войну с немцами один джигит разрубил шашкой Алиевых немецкий танк «Тигр». Надвое! От края до края».

Зал молчал. Магомед Магомедович отрывисто окинул его зорким взглядом, убедился, что все хорошо, с удовлетворением улыбнулся и, сложив руки замочком на животе, продолжил слушать.

«Всю жизнь эти два друга были вместе. Жили на двоих, считали друг друга роднее, чем единоутробные братья. Шамиль Хаджиевич ковал кинжалы, а Омар Гаджиевич делал для них ножны. По всему Кавказу расходилось это оружие, и все дивились их мастерству и их дружбе, крепкой, как дамасская сталь!».

Гости с интересом смотрели на аксакала. Когда он степенно, взвешивая каждое слово, говорил, не было видно его губ, двигалась лишь одна седая роскошная борода. Морщинистые руки старого джигита с тонкой, словно из папиросной бумаги, кожей, покоились на скатерти.

«Из-за того что Шамиль не знал отдыха и с самого раннего детства работал в кузне, его ладони так огрубели, что он мог тушить о них угли. Неудивительно, что в старости у кузнеца стали сильно болеть руки и ноги. Особенно болело колено на правой ноге, ведь он постоянно нажимал этой ногой на педаль, чтобы раздуть мехи. И чего он только не делал! Пока ноги ходили, спускался с горы к врачу в райцентр — без толку. Потом пробовал делать компрессы из трав — снова напрасно. Пил пилюли, которые принесла невестка, — не помогло. Тогда его верный друг Омар Гаджиевич стал выписывать журнал «Здоровье», чтобы помочь кузнецу. Но ничего подходящего он не нахо-

дил и на страницах ученого журнала. Там тоже советовали в основном пилюли, припарки, компрессы, массажи. А где ж ты найдешь массажиста на высоте 1700 метров над уровнем моря?».

Рамзан Рашитович глухо, утробно расхохотался. Вслед за ним засмеялся Магомед Магомедович, через мгновение зал сотряс дружный веселый хохот пятисот человек.

«Мучался Шамиль Хаджиевич, но виду не подавал. Только его верный друг Омар Гаджиевич видел, как ему плохо, и словно вместе с ним страдал. Однажды Омар Гаджиевич прочитал в журнале «Здоровье» про какой-то специальный аппарат чудодейственный! При помощи невидимых лучей прибор лечит лучше, чем всякие пилюли и массажисты! «Добуду аппарат для друга» — решил старый джигит. И вот как-то раз приходит к ним в село почтальон — ненадежный, хитрый человек, неуважаемый. Письма теряет, пенсию стариков может прикарманить себе, иногда его неделями не дождешься. Нехороший, пустой. Но другого почтальона в районе не было».

«Ах, негодяй!» — не сдержался Магомед Магомедович и махнул рукой.

По залу колесом покатались проклятия: «Да, негодяй!», «Подлец!», «Шакал!», «Я бы этого почтальона скрутил в бараний рог!».

Магомед Магомедович сделал аккуратный жест, чтобы успокоить гостей. Аксакал, по-видимому, удовлетворенный такой реакцией, набрал в легкие воздуха и продолжил.

«Омар Гаджиевич и говорит почтальону: «Добудь мне такой аппарат, помогу другу Шамилю Хаджиевичу». А по-

пчтальон ему и отвечает: «А вы видели сколько он стоит?»
«Я заплачу, мне государство платит хорошую пенсию, ты и сам знаешь, коли ее носишь, паразит», — сказал джигит.
«Может пенсии-то и хватит, да только его же заказывать надо, он в Махачкалу придет, а туда ехать надо, машину нанимать или на автобусе», — юлил, как гадюка, почтальон.
«Так, съезди, я все оплачу», — взмолился аксакал.

«И чего б не съездить, я бы съездил! Ах, негодяй! На старого человека так, вот шакал», — раздался бас с краю стола.

«Не то слово, свинья», — поддержал его сосед.

«А еще почтальон называется», — прошипел чернявый тамада.

«Тише, тише, не перебивайте, — сказал Магомед Магомедович. — Продолжайте Рамзан Рашитович».

Старик продолжил.

«Не нужны мне ваши деньги, Омар Гаджиевич, отдайте мне свои последние, удивительной красоты ножны!», — сказал почтальон.

«Вот кафир! Безбожник. Самое дорогое решил отнять, — один из гостей потянулся было за кинжалом, но потом осекся, кинжалы перед свадьбой все оставили дома, на всякий пожарный, — кафир!».

Аксакал, выждав театральную паузу и откашлявшись, решил подлить масла в огонь, впервые повысил голос и даже чуть-чуть привстал из-за стола:

«А тот ему отвечает: «Бери что хочешь, только не забери ножны. Это память всего нашего рода. Я председателю — уважаемому человеку — пообещал передать их в краеведческий музей, чтобы наш великий род прославить в ве-

ках». Омар Гаджиевич взмолился перед своим мучителем, но тот был непреклонен и уперт, как горный баран. «Ножны, — говорит, — хочу и всё тут! Нет ножен — нет чудесного аппарата, который единственный сможет исцелить вашего друга». Тогда аксакал попросил подумать три дня и три ночи. «Думайте, дело ваше, да только друг ваш, пока вы размышляете, лезет на стенку от боли в колене, я знаю, как ему плохо. Видел, когда приносил пенсию, как он мучается, хоть и вида не подает». Прогнал Омар Гаджиевич хитрого почтальона и стал думать, как же тут быть...».

«Я бы отдал ножны, — внезапно подал голос жених Рамазан. — Ради друга ничего не жалко!»

«И я бы отдал».

«И я бы!» — поддержали Рамазана гости.

Магомед Магомедович уже не пытался успокоить собравшихся, а лишь кивал и напряженно смотрел на Рамазана Рашидовича.

«Целую ночь думал Омар Гаджиевич, как следует поступить. Род для него был важен, но что такое род по сравнению с другом? «Я так свой род прославлю, не перед людьми, а перед Аллахом, он всё видит!» — решил Омар Гаджиевич. Через три дня и три ночи явился почтальон. «Ну как, — спрашивает, — решили?». «Решил, — твердо ответил ему старый джигит — Забирай! Твои ножны». Он бросил ему под ноги ножны. Тот сунул за пазуху и был таков».

Аксакал остановился и о чем-то задумался. В зале нарастал гул.

«А что дальше-то было? Принес он аппарат или нет?», — загалдели собравшиеся.

«Тихо!» — скомандовал Магомед Магомедович.

«Принес аппарат. Да только ж какой от него прок? В селе-то не было электричества, он от розетки работает, — ответил рассказчик, но потом улыбнулся и добавил — Шамиля Хаджиевича сын с невесткой к себе забрали в райцентр, в Унцукуль, и там уж было электричество, вылечили колено. Так он с вылеченным коленом и помер, а за ним и друг его ушел. Еще бы, 130 лет!».

«Ну да».

«Это точно!»

«Возраст», — заговорили в зале.

«Так вот, давайте же поднимем бокалы за настоящую дружбу, пример которой нам показал Омар Гаджиевич. Пусть у всех нас будет хотя бы один такой же верный друг, потому что друг — важнее любых денег, любых ценностей и любой славы!»

Все зааплодировали, подняли бокалы, и по залу расплескалось чувство полноты жизни, удовлетворения и благодарности. Всем захотелось иметь такого верного друга.

Когда гомон немного стих, жених спросил:

«Дедушка Рамазан, а что случилось с почтальоном? Куда он дел ножны?»

«Пытался их продать здесь, на вокзале, в Махачкале, каким-то туристам-иностранцам. Тут-то милиция его и задержала. Подумали, он из музея стащил экспонат, такие они красивые и роскошные были. Полгода ножны лежали в комнате для вещдоков, а потом и до милиции дошла эта история, и они уже их передали, куда и положено, в краеведческий музей Унцукуля».

Свадьба задышала с новой силой, старики стали потихоньку расходиться, молодежь смеялась и танцевала. Дедушку Рамазана под руки провожал к машине Магомед Магомедович. В дверях к ним подошел какой-то полный мужчина в очках. Он представился редактором газеты «Махачкалинский дилижанс».

«Рамазан Рашитович, — обратился он к аксакалу. — А как назывался аппарат? Это удивительная история, надо написать производителю и непременно рассказать об этом в газете».

«У меня тут записано, — сказал старый джигит и из внутреннего кармана попеременно вынул сначала сложенный вчетверо листок из ученической тетрадки, а следом очки, — «Алмаг-01». Запомнили? Елатомский приборный завод. Мне эту историю в совете ветеранов рассказали, я и сам хочу себе такой купить, поэтому записал».

«Завтра же купим!», — мгновенно отреагировал Магомед Магомедович.

Редактор поблагодарил и в тот же вечер стал писать два текста. Письмо на завод и заметку в «Махачкалинский дилижанс». Её читатели особенно ценили истории о настоящей мужской дружбе.

БАБКА-ТАГАНАЙКА

По раскисшей грязной тропе плелась компания семиклассников с пухлыми рюкзаками за спинами. Ребята охали, жаловались, ругались на жилистые корни сосен, которые, словно мины-растяжки, внезапно появлялись на их пути и норовили свалить с ног. Впереди широко шагал их провожатый — мужчина лет 50, майор ВДВ в запасе и учитель ОБЖ в настоящем Олег Петрович Черепанов. Каштановые волосы с проседью бордюром отхватывали лысый череп майора и делали его похожим на физика, а не на обэжэшника. Школьники шутя называли такую прическу «озером в лесу». Черепанов был всегда чисто выбрит, подтянут, имел высокий благородный лоб, добрые голубые глаза и аккуратные усы.

С первого взгляда могло показаться, будто обэжэшник тихий, смиренный и какой-то даже травоядный со своей интеллигентной залысиной, но это ощущение быстро проходило, и становилось понятно, что в случае необходимости Олег Петрович совершенно беззлобно, буднично и, как-то даже промежду прочим вырвет врагу кадык, завернет его в газету «Аргументы недели» и пойдет куда-нибудь

по делам, например, вести урок в 7 «Б». Специфический контраст в образе педагога нравился детям, создавал вокруг него атмосферу таинственности, но в то же время надежности и покоя.

Воспользовавшись своим авторитетом, Олег Петрович собрал ребят из 7 «Б» в поход с ночевкой на горный хребет Таганай. «Надо вас, галчата, на природу вывести, а то, ишь ты, все бледные! Там и костры научимся разводить, и палатки ставить, и лагерь разбивать», — предложил учитель перед началом урока. Согласилась половина класса.

Первые три километра ребята шли еще нормально: двигались мелкими перебежками, охотно общались и распределяли роли в коллективе — кто будет собирать хворост, кто за повара, а кто за кострового. Но когда начался нудный вялотекущий подъем, городские, изнеженные отроки сникли, опали лицами и один за другим принялись потихоньку ныть. Еще через два километра — стали уже откровенно проклинать все на свете: лес, дождь, осень, подъем и тяжелые рюкзаки. Обэжэшника не злословили. Во-первых, искренне любили и уважали, а во-вторых, побаивались.

«Он после контузии в запас ушел, — шептались о нем подростки. — В Чечне его отряд попал в засаду. Всех пацанов перебили, а он отстреливался до последнего, а потом потерял сознание — граната рядом разорвалась. Боевики подумали, мертвый. Как бы не так! Наш Олег Петрович ночью очнулся, к бандитам в расположение залез и всю банду ножом перерезал! Представляете, 50 человек ножом! Автомата-то у него не было, забрали боевики — только нож».

Такие байки в разных, самых немислимых вариантах (например, вместо ножа часто фигурировала саперная лопатка) передавались по всей школе из уст в уста уже несколько лет, с тех пор как майор пришел по объявлению работать учителем ОБЖ.

Неудивительно, что многие согласились на такое заманчивое предложение. Очевидно, семиклассники представляли себе поход так: костер, зубодробительные истории Олега Петровича, чай в железных кружках, сизый дымок, который коптит сосиски на шампурах и, конечно, сухие комфортабельные палатки с теплыми спальниками. Романтика! Но оказалось иначе. До первого привала нужно было идти в горку пять километров по ужасной размытой тропе, да еще и тащить на себе, как черепахи, панцири рюкзаков с тяжелыми брезентовыми палатками, котелками и спальниками.

— Ты вот жалуешься, что берцы промочил. А надо было резиновые сапоги брать, я же предупреждал. Осенью идем, оно и понятно, что тут мокро, — сказал Олег Петрович Никите Мамину, который вполголоса ругался, хлюпая по лужам.

— Это еще что! Я вот слышал, сюда, на Таганай, люди в туфлях ходили и тоже осенью, представляешь? В туфлях по этой жиже! Ха-ха-ха! — подбодрил товарища единственный человек из класса, не растерявший бодрости духа, Сергей Сусликов.

Он был любимчиком учителя. Ну еще бы: дальше всех мог метнуть гранату, собирал и разбираал автомат Калашникова всего за 13 секунд, делал выход с силой на турнике и захлеб читал книги по военной истории.

— Ты что думаешь, мне от этого легче? Я сейчас ноги промочу и заболею, — захныкал Мамин.

Никита не хотел идти — настояла мама. «Олег Петрович, отца у него нет, он у меня дохленьким растет, слабеньким, бледным, как поганка. Возьмите его с собой, кто его еще сводит в поход», — умоляла учителя печальная, разведенная, рано постаревшая мама Мамина. Обэжэшник — делать нечего — согласился, хотя и понимал, что присутствие в группе самого плаксивого и неспортивного мальчика 7-го «Б» Никиты Мамина — это пудовая, а то и двухпудовая, гирия, привязанная к ноге.

Чтобы чем-то занять ребят, Олег Петрович, облазивший все эти места вдоль и поперек еще в детстве, решил рассказать им байку.

— А про Бабку-Таганайку слышали? — зловещим голосом спросил учитель.

— Это, наверняка, бредни какие-то, — сказал заносчивый отличник Ваня Рохлин. Ему не нравилось, что Сусликов постоянно трется рядом с учителем и лихо крутит солнышко на турнике, а он — Рохлин — не умеет даже отжиматься.

Дети загалдели.

— Ну бредни не бредни, а я сам ее видел, — сказал Черепанов, перепрыгивая через поваленную сосну, перегордившую дорогу.

— И где? — с опаской поинтересовался Мамин, безуспешно стараясь догнать учителя.

Из всей группы у Мамина был самый огромный, монструозный рюкзак. Он походил вместе с ним на како-

го-то неведомого жука. Периодически из недр этой бездонной торбы извлекались пирожки с ливером, которыми Мамин с неохотой, но все-таки делился.

— Да вот здесь, на Таганае. Бабка-Таганайка всегда возникает внезапно, как снег на голову!

— Или как рысь, — уточнил любитель биологии Рохлин. Он из-за биологии и отправился в поход.

— Что «как рысь»? — не понял учитель.

— Рысь тоже на голову внезапно падает. Сидит где-нибудь на сосне высоко. Внизу, предположим, идет какой-нибудь мальчик, а вон, хотя бы, Мамин, — сказал отличник.

— Чего сразу Мамин? — заныл Никита, с обидой поглядывая на Рохлина, — Попроси у меня еще что-нибудь.

— Ну так вот, — не обращая внимания на одноклассника, продолжил юный биолог, — рысь прицеливается и прыгает, выпуская когти в полете. Приземляется прямо на макушку, снимает скальп и перекусывает человеку яремную вену, она вон тут.

Ребенок постучал указательным пальцем себе по шее, под ухом.

— Олег Петрович, а тут водятся рыси? — спросил Мамин.

— Да нет, конечно, какие тут рыси? Не водятся, — успокоил его учитель.

— Водятся, водятся. И еще как! — запротестовал отличник.

— Так, класс! — рявкнул Черепанов. — Про Бабку-Таганайку-то будете слушать?

«Будем! Будем!» — закричали дети.

— Появляется она, как я уже сказал, неожиданно. Выходит на тропу к туристам и таким добреньким, миленьким голосочком спрашивает, как, мол, дела, куда идете, нужна ли помощь? Маленькая, сухенькая, вот такого роста, — учитель показал ребром ладони себе на грудь, — Туристы, конечно, не могут взять в толк: откуда тут бабка? Лес, глушь, высота — километр на уровне моря, никаких населенных пунктов. И тут — на тебе. Старуха!

— Ну бабка и бабка, а что ж в ней страшного? — уточнил Сусликов.

— А то, что туристы после встречи с ней начинают плутовать и пропадать. Кто-то с горы падает, кто-то в болоте тонет, — тихим зловещим голосом сказал Олег Петрович.

— А вы, я посмотрю, живой после встречи с Таганайкой, — с язвительной ухмылкой сказал Рохлин.

— Мне повезло. Хотя я в тот день чуть не сорвался со скалы. Тоже осень была как сейчас. Я тогда из военного училища только выпустился и вместе со своими однокашниками перед отправкой в часть пошел в поход. Слегка отстал. И тут — бац! Бабка-Таганайка вышла на тропу. «Здравствуйте, — говорит, — куда путь-дорогу держите? Пойдем, милоч, я тебя водой напою». У меня аж поджилки затряслись, хоть я и не робкого десятка. Я про эту Бабку-Таганайку еще в школе слышал. Ну, я ей сказал что-то вроде: «Ничего не надо, бабушка!» и побежал, только пятки сверкали. И что вы думаете? В тот же вечер чуть со скалы не свалился. Наступил на мокрый курумник — там мох скользкий — и едва удержался. Такая она, Бабка-Таганайка, — резюмировал учитель, потом

подмигнул и сказал, — так что держите ухо востро, товарищи семиклассники!

— То есть она, получается, кто? Ведьма, призрак? — спросила одна из девочек — Наташа Лебедева.

Взвод из четырех девчонок, отправившихся в поход, замыкал колонну. Как ни странно, никто из них почти не жаловался: девочки о чем-то весело переговаривались и, казалось, не замечали ни тяжести, ни грязи, ни подъема.

— Да кто ж его знает? — пожал плечами учитель. — Какая-то лесная нечисть.

— А она до сих пор водится в этом лесу? — тихо пропищал Мамин.

— Тебе ж сказано держать ухо востро, значит, водится, — ответил за учителя Сусликов.

Черепанов ничего не сказал.

Они шли еще несколько часов. Все это время капал мелкий косой дождь. Дети перестали ныть (поняли, что это только отнимает силы) и сосредоточенно переставляли ноги, лишь изредка спрашивая: «Олег Петрович, а далеко еще?».

К вечеру добрались до приюта. Все так сильно устали, что побросали рюкзаки и растянулись прямо на мокрой траве.

— Ну, отдохните полчаса, а потом начнем разбивать лагерь, — сказал учитель и отправился поговорить с инспектором приюта.

Он обитал в большом, черном от времени срубе. Каждое бревно было в метр толщиной. По кровле стелился густой ковер из пушистого светло-зеленого мха. Над дверями висела табличка «Киалимский кордон».

Никита Мамин с колоссальным трудом освободился от лямок, скинул свой огромный рюкзак и вдруг почувствовал такую легкость, что решил не дожидаться очереди в туалет. Очередь нетерпеливой змейкой нервно двигалась к ветхой, сколоченной из дюжины досок конструкции.

«В лес пойду, за домом. Нет сил терпеть», — подумал Мамин и засеменял в сторону сосняка.

Стеснительный невзрачный подросток углубился в чащу и, когда уже присмотрел подходящую сосну, внезапно услышал тот самый добренький миленький голосочек, которым пугал обэжэшник: «Здравствуй, милый человек. Куда путь держишь? Пойдем, я тебя водой напою». Мамин обернулся и увидел, что между деревьев, сгорбившись, стоит старушка невысокого роста в красном платке, с узлом, завязанном на лбу, в старом залатанном ватничке и в темно-синей шерстяной юбке. Бабушка опиралась на какую-то ветвистую корягу и прожигала школьника взглядом. Он именно так и представлял себе каноническую Бабу Ягу из сказок.

— Ба-а-а-аб-к-а-а-а-Та-а-а-а-га-на-а-айк-а-а-а! — закричал Никита и в ужасе бросился наутек.

Его разыскали уже ночью. Бледный, промокший до нитки подросток спрятался за корнем упавшей лиственницы-великанши и, очевидно, планировал пересидеть там до утра.

Мальчика бы не нашли так быстро, если бы не холодная выдержка Олега Петровича. Он спокойно, без паники расспросил детей, с какой стороны они слышали крики, определил квадрат поиска, учитывая слабую физическую

подготовку Мамина, и вместе с инспектором кордона и Сусликовым отправился прочесывать лес. Остальные дети разбили лагерь и ждали на месте — брать их с собой в крошечной тьме искать одноклассника было бы плохой идеей: к утру перетеряли бы всех.

В избе трещала поленьями голландская печка, тихо шелестела радиостанция инспектора.

«Я Киалим, прием», — сказал инспектор.

«Центр. Прием», — ответила станция.

«Мальчик найден. По МЧС отбой. Прием».

«Понял тебя, Киалим. Прием».

«Конец связи».

Мамина сначала растерли одеколоном, а потом для верности влили ему в горло наперсток обжигающего «Шипра». Он поморщился, по-взрослому крикнул и залихватски понюхал прокуренный рукав свитера — инспектор дал свой, пока одежда Никиты сохла на печке.

Дети уже спали в палатках, а виновника торжества решили оставить отогреваться.

Рядом с порогом громоздился его пухлый рюкзак.

— Надо съесть, а то испортится, — внезапно сказал мальчик, показывая на огромную торбу, похожую на гигантский глобус.

Олег Петрович привстал, подхватил рюкзак и с трудом дотащил его к столу у печи, где, съезжившись, сидел и приходил в себя Мамин.

— Родительница поросенка зажарила? — как можно веселее, чтобы разрядить обстановку, спросил учитель, — Или кирпичей наложила?

— Там салат, селедка под шубой и аппарат от простуды, — ответил школьник и погрузил руку в бездну рюкзака.

Сначала извлек из темного рюкзачного брюха большую хрустальную салатницу, обмотанную фольгой.

Взрослые рассмеялись.

— Я еще понимаю, салат. Но зачем в хрустальной салатнице? Она ж тяжелая! — усмехнулся Олег Петрович. — А ты ее, бедняга, тащил.

— Для красоты, наверное, — пожал плечами мальчик, — вы угощайтесь.

Почему-то после случая с Таганайкой он словно повзрослел, пропала капризность, во взгляде не было страха — там поселилось нечто новое, непонятное.

— А это что? — спросил учитель, глядя на аппарат.

— Это мама положила аппарат магнитотерапии «Магофон». Он нам как член семьи. Вместо семейного доктора. Мама гайморит лечит, бабушку вылечила от пневмонии, ну и мне положила на всякий случай, — сказал мальчик, — вдруг простужусь.

— Так-то странно, что она тебе его положила. Где в лесу электричество? Впрочем, действительно пригодится. Спасибо Игорь Михалычу, — учитель кивнул на смотрителя, — и его генератору. Включай свою шайтан-машинку, Никита, авось правда не заболеешь.

Пока Никита возился с аппаратом, все многозначительно молчали, как молчат моряки, пережившие сильный шторм.

— Я ее видел, — внезапно сказал Мамин, сосредоточенно водя аппаратом по горлу и груди. — Как вас сейчас. Ту самую Бабку-Таганайку.

Олег Петрович и инспектор кордона переглянулись.

— Вот ее? — спросил Черепанов, показывая на стену.

Над древним буфетом с мутными стеклянными дверцами висела цветная фотография — портрет пожилой женщины.

— В сумерках разве разберешь? — Мамин пристально смотрел на портрет. — Может, и ее. А что, она разве не нечисть? Не ведьма?

Олег Петрович уже сотню раз пожалел, что рассказал ребятам эту байку.

— Эх, — вздохнул обжэшник. — Не нечисть, конечно, а моя коллега, заслуженный педагог, ветеран труда.

— Я сейчас подробнее расскажу, — вмешался инспектор и разлил по стаканам крепкий, по-походному заваренный чай с дымком.

Все отпили по глотку, и инспектор Игорь Михайлович начал рассказ.

— До конца 1950-х годов рядом с нашим кордоном значилась деревня углежогов Верхние Киалимские печи. Даже, скорее, не деревня, а полноценный поселок с сотней дворов, больницей и собственной школой — в ней мы сейчас, кстати, и сидим. К середине XX века Верхние Киалимские печи «остыли» — деревня приказала кланяться и долго жить. Дорога в эту глушь заросла, люди разъехались. Кроме одного человека.

— Бабка-Таганайка?! — догадался Никита.

— Так точно, — по-военному ответил инспектор кордона. — Это последняя жительница деревни. Проживает в своей избе, метров в 300 отсюда. Она в этой школе работала — учительницей биологии. Прекрасный человек и заслуженный учитель. Ей уже под 90 лет, а все ходит, надо же. Сейчас за ней ухаживает сын, тоже уже пожилой человек, — сменяет меня на кордоне, раз в две недели.

— То есть Таганайская бабка — вовсе не призрак, а вполне реальный человек? — удивился Мамин, и в его голосе послышались нотки легкого разочарования.

— Именно так. Когда она спрашивает — нужна ли помощь, то делает это искренне. Тут же нет источников воды поблизости, а у нее до сих пор работает колодец, вода вкусная, сам набираю. Вот она и предлагает то единственное, чем может помочь человеку — воду, — сказал инспектор.

— Ну, Игорь Михайлович, согласись, что выглядит это жутко. Глухой лес, тишина, камни, елки, где-то рядом ходят медведи, турист пыхтит по горной тропе с рюкзаком, как вдруг из-за дерева появляется старушка с клюкой. «Здравствуй милый человек, Бог в помощь». Турист после такой встречи если и останется в своем уме, то жуткую историю о Бабке-Таганайке будет рассказывать при каждом удобном случае...

— Примерно так и родилась легенда, — пожал плечами Игорь Михайлович и хватил ложкой большой кусок селедки под шубой из салатницы.

— Мамин, я и сам не знал всю правду про Таганайку, — попытался оправдаться учитель. — Мне ее Игорь Михай-

лович рассказал, пока мы тебя искали. Я лично слышал легенду именно в таком виде, в котором вам рассказал. Ну и сталкивался с ней 20 лет назад. Так что я тебя хорошо понимаю, сам тогда чуть в штаны не наложил.

— Бедная женщина, — неожиданно сказал Мамин. — Желает людям добра, а про нее все говорят: нечисть, ведьма, оборотень, людей губит... Разве она этого заслужила?

Взрослые вздохнули и покачали головами.

— Знаете, Игорь Михайлович, а подарите ей и ее сыну от меня вот это, — он показал рукой на аппарат «Магофон». — Вы сможете заводить для них генератор?

— Конечно, смогу, солярки нам дают много, мне не жалко, — уверенно ответил инспектор, — а уважить бабушку, ты прав, надо. Ее, кстати, Степанида Захаровна зовут.

— Мамка-то ругаться не будет из-за аппарата? Ты же говорил, что он как член семьи, — с недоверием покосился на школьника обэжэшник.

— Не будет, я ей все объясню. Она поймет. А Степаниде Захаровне я напишу письмо. Скажу, что ценю ее труд и беззаветное желание помогать ближним даже на пенсии, — твердо решил Мамин и попросил бумагу и ручку.

Что-то произошло с Никитой. От прежнего мямли не осталось и следа, словно таинственная Таганайка — Степанида Захаровна напоила его живой водой из волшебного колодца, которая растворила капризную слабость и немощь. В мальчике, как первые отроческие усы, проросла мужественность. Олег Петрович безошибочно угадал эту метаморфозу в подростке, потому что много раз видел ее отражение на лицах солдат-срочников, отправленных

в горячую точку. Зачастую после первого боя на их лица ложилась эта особая, едва заметная тень, делавшая их иными.

— Тогда уж и на завод пиши. Расскажи им, что аппарат попадет в руки последней жительницы деревни углежогов, — предложил обэжэшник. — Мы адрес завода выясним в школе и отправим заказным письмом, чтобы наверняка пришло.

Мальчик кивнул и принялся писать. Из похода он вернулся совсем другим человеком.

Десятое письмо

Я САМА

Виктория Игоревна Морозова — в прошлом несгибаемый завхоз хлебокомбината — к 70 годам согнулась. Точнее, ее согнуло. Пока она работала, приходилось на своем горбу таскать самые разные предметы: чугунные радиаторы, мешки с мукой, мебель из ДСП, а однажды она перетащила с первого на третий этаж две дюжины тяжелых оконных рам. Бригада грузчиков куда-то запропастилась, наверное, пили, а к утру, кровь из носа, нужно было подготовить рамы для строителей — в здании шел ремонт, горели сроки.

Виктория Игоревна бы предпочла похоронить себя под этими рамами, чем дать слабину — вспомнить, что она женщина, а не ломовая лошадь, и, в общем-то, не обязана надрываться.

Но, увы, напоминать было некому: сумрачный, невесомый муж испарился года через два после свадьбы. Врач сказал, что Виктория не может иметь детей. Муж сник, загулял и через года полтора исчез.

«Бог с тобой», — махнула рукой Виктория Игоревна, развелась, сдала на права, купила «жигули» и решила, что больше не выйдет замуж.

Коллеги называли ее Маргарет Тэтчер, в честь цельно-металлической леди из Туманного Альбиона. Железная воля Морозовой стремилась сделать таким же крепким и хребет хозяйки. Чтобы как минимум везде обходиться без посторонней помощи. Если в быту и на службе это имело какой-то смысл, то в плане погрузочно-разгрузочных работ скорее напоминало членовредительство.

— Помочь вам? — спрашивал мужчина, когда видел, как Виктория, надрываясь, тащит с колхозного рынка мешок картошки в сторону своих «жигулей».

— Я сама, — отвечала Виктория и смотрела на доброхота таким взглядом, что он без лишних слов уходил.

Она всегда таскала тяжелые сумки, ведра, часто ездила к своей единственной подруге Марусе в деревню и помогала ей по хозяйству, как маленький трактор.

— Побереги спину, куда ж ты это потащила, — причитала Маруся, с ужасом глядя, как ее подруга несет на спине шпалу для строительства пристроя к сараю.

Муж Маруси — живой, юркий, как ужок, мужичок Аркаша — работал на железной дороге и однажды привез целый грузовик шпал.

— Мы ж пристрой собирались сегодня городить, я специально приехала, — говорила Виктория со шпалой на спине.

— Так мужа бы дождались, он с ребятами из депо должен приехать. Нам все равно без них не справиться.

— С мужиками только свяжись, — раздраженно прошипела железная леди, — они в кабак сначала заедут, а потом забудут о нашем сарае. Сами сделаем.

И такой она была во всем. Ее девизом по жизни значилась емкая самоуверенная фраза: «Я сама».

И вот, наконец, пенсия. Стала болеть спина. И все какими-то всполохами. Словно кто-то сверлил победитовым сверлом крестец. Причем использовал для экзекуции не перфоратор — с ним Морозова управлялась не хуже любого мастера — а ручную дрель. Медленно-медленно. Боль сначала концентрировалась в одной точке, но вскоре огненными языками охватывала все новые и новые ткани, ползла вверх по позвоночнику, обнимала за талию. Казалось, что под кожу вшили грядку с кактусами.

В такие моменты Морозова аккуратно ложилась на твердый пол и лежала, рассматривая узор трещин на потолке, ждала, когда, наконец, отпустит. Обычно обострения случались в начале осени, с наступлением затяжных дождей. Спина реагировала на изменения погоды, как барометр. По вспышкам ослепительно-белой боли Виктория могла безошибочно определять, какая будет погода.

Когда боль пришла впервые, то не напугала завхоза. Женщина встретила ее во всеоружии, из которого главным было умение терпеть. Однако терпения надолго не хватало: боль проникала в самое течение жизни и разрушала ее, откалывая от будней и выходных маленькие кусочки. В какой-то момент Виктория обратилась в больницу. Без особой надежды, просто потому что так надо.

— Вы, наверное, в молодости много таскали тяжестей, вот оно и болит, — спокойно сказал доктор на приеме в местной поликлинике.

Морозова усмехнулась, посмотрела на него колючим взглядом и хмыкнула.

— Неужели? И что же мне делать?

— Как и всем — массаж, режим дня, спину не нагружать, можете пошить себе пояс из собачье шерсти, ну а если совсем невмоготу — пейте обезболивающее, — предложил доктор.

— Угу, спасибо, — буркнула Железная Леди и вышла из кабинета.

В принципе ничего нового он не сказал, разве что история с поясом из собачьей шерсти показалась интересной.

Однажды осенью, когда снова затянули дожди, и приступы боли в спине стали беспокоить Морозову все чаще и чаще, она дождалась светлого промежутка между всполохами и отправилась в городскую ветеринарную клинику.

— Есть ли у вас собачья шерсть? — спросила она черного ветеринара восточной внешности.

— А зачем вам? — удивился ветеринар.

— На пояс, от спины, — призналась Морозова.

— А много надо? — поинтересовался ветврач, прикидывая в уме, сколько собак надо вычесать, чтобы получился пояс.

— Килограмма два, наверное, — предположила Морозова.

— Ну, полгодика если подождете, приходите, начешем вам шерсти, — сказал айболит.

— Эх, долго, но все равно спасибо, — расстроилась Виктория и забросила в рот зеленую таблетку обезболивающего. Она приноровилась их грызть, не запивая водой.

В моменты, когда боль отходила, Морозова стремилась схватить обеими руками жизнь. Для этого она садилась в свои старые «жигули» и спешила в дальний пригород к подруге детства Марусе. Внутри хозяйства, в каких-то бесконечных заботах и суете, боль была не столь ощутима.

Как-то раз Морозова помогала Марусе и возилась в хлеву с огромной холмогорской коровой Звездочкой. Доила ее, хотя молока было совсем немного — осень. В какой-то момент в глазах бывшего завхоза заплясали хорошо знакомые огоньки — начинался приступ. Тогда Железная Леди, возможно впервые в жизни искренне, по-детски обратилась за помощью. Врачи не шли в счет, к ним она приходила больше для проформы, тем более что лечение не помогало.

— Может, хоть ты, подруга, мне поможешь? — сказала она корове.

Хотя как могла помочь корова?

Звездочка с сочувствием смотрела на Железную Леди, что-то жевала и отгоняла мух длинным хвостом с белой кисточкой. Боль нарастала с каким-то внутренним гулом, как приближающийся реактивный лайнер. У Виктории потемнело в глазах, ноги подкосились, и от бессилия она уперлась спиной в шершавый коровий бок. В таком виде Морозова и Звездочка стояли около десяти минут.

Это был удивительный, таинственный опыт. Виктория почувствовала, как яркие, разноцветные молнии проходят сквозь позвоночник и с шипением гаснут в теплом брюхе коровы. Постепенно боль отошла, корова все также безучастно жевала, махала хвостом и смотрела на Викторию.

В тот день Морозова перестала быть Железной Леди и решила признаться в своих проблемах подруге за вечерним чаем.

— Хоть коровой лечись, — закончила исповедь Морозова. — Я сегодня, когда Звездочку доила, прислонилась к ее брюху спиной и, кажется, боль отошла.

— Ты мне так корову испортишь, — засмеялась Маруся.

— И молоко потом скиснет, на твоём-то остеохондрозе, или что там у тебя со спиной, — в шутку гаркнул супруг Маруси с веранды.

— Слушай, а чего ты мне раньше-то не сказала, что у тебя спина болит? — спросила Маруся и строго посмотрела на подругу.

— Да я как-то думала, что сама справлюсь. Я ж все сама привыкла делать: с юности. Да и жаловаться, ты же знаешь, не в моем стиле.

— Глупости, надо было раньше тебе всё рассказать, чего коровами-то лечиться? Вон у меня есть аппарат специальный, Аркаша им шею лечит. Аркаша! — закричала Маруся, — Принеси «Алмаг» Вике.

— А-а-а, сей момент! — отозвался мужичок и через минуту вернулся с аппаратом.

— На, пользуйся, — Маруся протянула коробку подруге. — Несколько недель курс, а потом вернешь. Ну, а если не поможет, то переезжай к нам жить, к Звездочке поближе, будет у тебя «коровотерапия» хоть каждый день. Нам не жалко, правда, Аркаш?

— Можем тебе стелить в хлеву, грязновато, конечно, зато корова рядом, — рассмеялся Аркаша.

— Скажешь тоже.

Морозова отвезла аппарат домой с таким чувством, словно везет вещдок — материальное свидетельство какого-то удивительного изменения в самой себе. Когда она впервые за долгие годы призналась в собственном бессилии и попросила о помощи, пусть и корову, то словно скинула со своей многострадальной спины весь тот груз, который тащила всю жизнь.

«Алмаг» действительно помог: за несколько сеансов сделал будни пенсионерки снова живыми и наполненными. Но дело было не только в аппарате — она сама скинула со своих плеч тяжелую шпалу «самости», латы железной леди. Когда Морозова снова вернулась к Марусе, то попросилась подоить Звездочку.

— Спасибо, подруга, — сказала пенсионерка корове и погладила теплый черно-белый бок ладонью. — Если бы не ты, я бы, может быть, и не призналась Марусе о своих проблемах со спиной, а она бы не дала мне «Алмаг».

Корова равнодушно жевала и ласково смотрела на Викторию.

В тот же день эту историю растроганная пенсионерка описала в письме на Елатомский приборный завод.

«Я хочу пожелать всем жителям нашей страны скинуть лишний груз со своих плеч и не бояться просить о помощи. Кого угодно. А вот хотя бы корову. Это то единственное, что может спасти».

Литературно-художественное издание

Швецов Андрей Сергеевич

**Заметки панацеи.
Реальные истории победы
над болезнью**

Все герои и истории настоящие, но в событиях есть доля вымысла

Редактор *О. Е. Клементьева*

Корректор *И. Б. Николаева*

Верстка: *Т. Б. Егорова*

Оформление обложки: *А. Г. Данченко*

Подписано в печать 00.00.2023.

Формат 60×90/16. У.п.л. 7.

Экспериментальный тираж 10 экз.